

УДК 1(091):16

ЛОГИЧЕСКИЕ ПОСОБИЯ
ЭПОХИ ПОЗДНЕГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
ДЛЯ ЖЕНЩИН

А.М. Харитонова¹

В центре внимания – шесть немецкоязычных сочинений по логике, которые были изданы во второй половине XVIII в. Выбранные работы примечательны тем, что они написаны специально для женщин. Во Франции и Италии указанного периода подобные сочинения – явление нередкое, однако в немецкоязычном пространстве они носили, скорее, экзотический характер. Сегодня эти работы и их авторы оцениваются, пожалуй, как второстепенные и маргинальные. Тем не менее они представляют существенный интерес при изучении истории формирования такой фундаментальной и все еще актуальной для университетского образования дисциплины, как логика. Каков статус логики для женщин? Является ли она своего рода побочным издательским продуктом, пересказывающим классические учебники по логике под новыми необычными заголовком, или же представляет новое самостоятельное ответвление? Для ответа на поставленные вопросы проводится анализ выявленных логических сочинений, а также рецензий на них. Выясняется, что логические сочинения для женщин, опубликованные в Германии во второй половине XVIII в., представляют собой одно из многочисленных проявлений жанра популярной философии. Простота изложения, диалогическая или эпистолярная форма, практическая ориентированность и эклектичность – все это позволяет сделать логику доступной и понятной для любого цивилизованного человека и дает ему инструмент для исполнения своего основного предназначения, а именно – использования разума. Сам факт того, что содержание логики для женщин практически ничем не отличается от содержания классических компендиумов, свидетельствует о реализации на практике постулата об универсальности и всеобщей доступности логики, сформулированного еще в работах Х. Томазия и Х. Вольфа.

Ключевые слова: логика, немецкое Просвещение, популярная философия, Томазий, Вольф, Унцер, Книгге, Дюран, Атце, Рохов.

¹ Российский государственный гуманитарный университет, 125993, ГСП-3, Москва, Мiusская площадь, д. 6.

Поступила в редакцию: 05.06.2019 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2019-3-4

© Харитонова А. М., 2019.

LOGIC MANUALS FOR WOMEN
IN THE LATE ENLIGHTENMENT ERA

A.M. Kharitonova¹

In the focus of my attention there are six German-language textbooks in logic published in the second half of the eighteenth century. What distinguishes these books is that they were all written specially for women. While such works were fairly common in France and Italy during this period, they had something of an exotic character in the German-speaking world. Today these works and their authors are generally seen as secondary and marginal. Nevertheless, they may be of substantial interest in the study of the history of the formation of logic, a fundamental and still relevant discipline in university education. What is the status of logic for women? Is it a kind of publishing by-product paraphrasing classical logic textbooks under a new and unusual title or do they represent a new independent branch? To answer these questions I analyse the chosen works on logic and the reviews which they prompted. I demonstrate that logic manuals for women published in Germany in the second half of the eighteenth century constitute one of the numerous varieties of the popular philosophy genre. Simple language, dialogic or epistolary form, practical orientation and eclecticism – all this brings logic within the intellectual reach of any civilised person, providing him/her with an instrument of performing their own mission, i. e. the employment of their reason. The very fact that the content of logic for women is practically no different from the content of classical compendiums was a revolutionary development, a practical implementation of the postulate that logic is universal and can be understood by everyone, a principle formulated earlier in the works of C. Thomasius and C. Wolff.

Keywords: logic, German Enlightenment, popular philosophy, Christian Thomasius, Christian Wolff, Johanne Charlotte Unzer, Philippine Knigge, François Jacques Durand, Christian Gottlieb Atze, Friedrich Eberhard Rochow.

¹ Russian State University for the Humanities, Miuskaya sq. 6, Moscow, 125993, Russia.

Received 05.06.2019.

doi: 10.5922/0207-6918-2019-3-4

© Kharitonova A. M., 2019.

Возможно, сегодня наиболее знаменитым немецкоязычным трактатом, в названии которого содержится термин «логика», является «Наука логики» Г.В.Ф. Гегеля. Чуть менее известна работа по логике, опубликованная в разделе «Лекции» в рамках собрания сочинений И. Канта и изначально изданная его учеником Г.Б. Йеше. Для тех, кто более подробно изучает эпоху Просвещения, главным трактатом, безусловно, окажется так называемая «Немецкая логика» Х. Вольфа. Однако подобная картина релевантна в первую очередь в отношении тех, кому пока малодоступны сочинения современников упомянутых выше авторов. Часть из них уже введена в научный оборот: в последние годы появился ряд новых исследований, посвященных весьма важным для немецкого Просвещения работам Х. Томазия, А.Г. Баумгартена, Г.Ф. Майера. Однако при изучении истории формирования той или иной дисциплины, тем более такой фундаментальной и все еще актуальной для университетского образования, как логика, рассмотрение даже маргинальных авторов будет не менее важным и интересным.

В рамках немецкого Просвещения работы Томазия и Вольфа задали новый стандарт сочинений по логике: оба автора подчеркивали, что у них изложение данной дисциплины носит принципиально универсальный характер, их пособия подходят для любого человека вне зависимости от его профессиональной принадлежности, происхождения или пола². Тем не менее ко второй половине XVIII в. появляется большое количество специализированных пособий по логике: для юристов, врачей, военных, а также для женщин³. Сочинения, которые ставили своей целью донести логику, или учение разума (*Vernunftlehre*), до представительниц «прекрасного пола», в зависимости от авторства можно разделить

² Томазий специально отмечал независимость изучения логики от пола уже в самом названии своей работы: «Введение в учение разума, в котором благодаря легкой и всем разумным людям, какого бы сословия или пола они ни были, понятной манере показывается путь без силлогистики отличать друг от друга истинное, вероятное и ложное и находить новые истины» (Thomasius, 1691).

³ О других специальных логиках см.: (Круглов, 2018; Круглов, 2019). В чем-то сходная картина наблюдалась во второй половине XVIII в. в отношении антропологии: в случае с логикой постепенно расширяется и дробится аудитория курса и, соответственно, меняются способы донесения материала; в случае с антропологией в этот период также появляются специализированные компендиумы для врачей, юристов и т.д., однако помимо этого ширится и сам предмет данной дисциплины, в которой постепенно начинают выделяться физическая антропология, моральная и пр. Подробнее об истории антропологии см.: (Харитонова, 2016а).

Today the best known German-language treatise whose title contains the term “logic” is possibly Hegel’s *The Science of Logic*. Another, somewhat less well-known, work on logic was included in the “Lectures” section of the collected works of Kant and initially published by his pupil G. B. Jäsche. For those who study the Enlightenment era in depth the main treatise will undoubtedly be C. Wolff’s so-called *German Logic*. However, this limitation applies in the first place to those who have not yet advanced to reading the works of the contemporaries of the above-mentioned authors. Some of them have already been brought into the scholarly domain: recent years have seen the publication of new research devoted to the works of C. Thomasius, A. G. Baumgarten and G. F. Meier which are very important for German Enlightenment. However, in the study of the history of the emergence of this or that discipline, especially of such a fundamental discipline as logic which is still relevant to university education, even marginal authors are no less important and interesting.

In the era of German Enlightenment the works of Thomasius and Wolff set a new standard of logical works: both authors stressed that their presentation of this discipline is deliberately universal in character within the mental reach of any person regardless of his/her occupation, background and gender.² Nevertheless by the second half of the eighteenth century a large number of specialised logic manuals were published aimed specifically at lawyers, doctors, the military as well as at women.³ The works that sought to introduce logic or the teaching of reason (*Vernunftlehre*) to representatives of the “fair sex” can be divided into two groups depending on the authors: the first group includes works where women are named as the authors; the second, works written by men. I have managed to

² Thomasius (1691) made a point of stating that the study of logic did not depend on gender in the title of his work: *Introduction to the Teaching of Reason, Which Shows, by an Easy and Understandable Manner for All Rational Men of whatever Class or Sex, the Way without Syllogistics to Distinguishing What is True, Probable and False and to Discovering New Truths*.

³ On other specialised logics see Krouglov (2018; 2019). A similar picture was observed in the second half of the eighteenth century in anthropology. In the case of logic the target audience of the course and, accordingly, the delivery of the material gradually expands and becomes fragmented; in the case of anthropology that same period also saw the publication of specialised compendiums for doctors, lawyers, etc. In addition, the subject matter of the discipline broadens to isolate physical anthropology, moral anthropology, etc. For more on the history of anthropology see Kharitonova (2016a).

на две группы: к первой относятся сочинения, в качестве авторов которых значатся женщины; ко второй — сочинения, в качестве авторов которых указаны мужчины. Мне удалось обнаружить шесть немецкоязычных сочинений второй половины XVIII в., излагающих логику для женщин. Авторами двух из них также являются женщины. С определенными оговорками работами, написанными женщинами и для женщин, можно считать следующие: сочинение Йоханны Шарлотты Унцер «Очерк философии для женщины» (Unzer, 1751b), в котором логика представлена как первый раздел в системе философии, а также сочинение Филиппины Книгге «Опыт логики для женщин» (Knigge, 1789). Стоит ли считать, что это «всего лишь» две работы, т.е. имеет место причудливый исторический казус, или же, напротив, это треть всех сочинений, т.е. заметное количество, особенно для рассматриваемой эпохи⁴? Для того чтобы понять, являются эти сочинения рядовым или экстраординарным феноменом, рассмотрим упомянутые шесть работ более подробно.

1. Йоханна Шарлотта Унцер

Йоханна Шарлотта Унцер, в девичестве Циглер (1725—1782) — дочь Иоганна Готхильфа Циглера, органиста, известного благодаря не только своим музыкальным, но и литературным сочинениям⁵. Он умер, когда дочери было двадцать три года. Большое влияние на Йоханну Шарлотту оказал ее дядя по материнской линии И.Г. Крюгер. Его ученик и друг, Иоганн Август Унцер, стал впоследствии ее мужем. Они оба принадлежали к кругу так называемых «философствующих врачей» из Халле. Крюгер в большей степени разделял взгляды механицистской школы, которую представляли Г. Бургаве и Ф. Хоффманн. Унцер, хорошо зная положения, которые защищал противоборствующий лагерь (его наставник в занятиях практической медициной И. Юнкер был последователем анимизма Г.Э. Шталя), стремился выделить и разработать сильные стороны обеих систем. Это привело его к созданию проекта «срединной науки» между философией и медициной⁶. Если говорить о философском контексте, то медики, работавшие в Халле, находились в первую очередь под влиянием работ Баумгартена и Майера.

⁴ См. наиболее полную на сегодняшний день библиографию логических сочинений: (Riss, 1965).

⁵ См. подробнее о ее жизни: (Hoffmann, 1927; Langer, 1996)

⁶ Подробнее см.: (Харитоновна, 2016б).

discover six German language works of the second half of the eighteenth century setting forth logic for women. Two of them have been written by ladies. With some reservations the works written by and for women include: *Grundriß einer Weltweisheit für das Frauenzimmer* by Johanne Charlotte Unzer (Unzer, 1751b), in which logic is presented as the first section in the system of philosophy, as well as *Versuch einer Logic für Frauenzimmer* by Philippine Knigge (Knigge, 1789). Should we assume that these are “merely two” works, i. e. a historical quirk, or on the contrary that they make up a third of all the works, i. e. a number that deserves notice, especially for the era under consideration?⁴ To understand whether these are pedestrian or extraordinary phenomena let us take a closer look at each of the six works.

1. Johanne Charlotte Unzer

Johanne Charlotte Unzer, née Ziegler (1725-1782) was the daughter of Johann Gotthilf Ziegler, an organist known not only for his musical but also literary works.⁵ He died when his daughter was twenty-three. A major influence on Johanne Charlotte was exerted by her maternal uncle Johann Gottlob Krüger. His pupil and friend, Johann August Unzer, would later marry her. Both belonged to the circle of so-called “philosophising doctors” from Halle. Krüger leaned more to the views of the mechanistic school represented by Herman Boerhaave and Friedrich Hoffmann. Unzer, who was well-versed in the principles of the opposing camp (his mentor in the field of practical medicine, Johann Junker, was a follower of Georg Ernst Stahl’s animism), sought to identify and elaborate the strengths of both systems. This prompted him to create a project of a “middle science” between philosophy and medicine.⁶ With regard to the philosophical context, the medical scientists who worked in Halle were principally under the influence of the works of Baumgarten and Meier.

In 1751 when Johanne Charlotte was twenty-six years old, *Grundriß einer Weltweisheit für das Frauenzimmer* (Unzer, 1751b) and *Grundriß einer Natürlichen Historie und eigentlichen Naturlehre für das Frauenzimmer* (Unzer, 1751a) were published in Halle. Both books still carry her maiden name — Ziegler.

⁴ See the most complete bibliography of logical works to date in Riss (1965).

⁵ For more on her life see Hoffmann (1927) and Langer (1996).

⁶ For more detail see Kharitonova (2016b).

В 1751 г., когда Йоханне Шарлотте было двадцать шесть лет, в Халле были опубликованы «Очерк философии для женщины» (Unzer, 1751b) и «Очерк естественной истории и учения о природе как таковой для женщины» (Unzer, 1751a). На форзаце обеих книг значилась еще ее девичья фамилия — Циглер. Практически в то же время фрау Унцер⁷ переехала вместе с мужем в Гамбург, а затем в Альтону. После переезда она получила известность благодаря своим поэтическим сочинениям. В 1767 г. вышло второе издание ее «Очерков», на этот раз объединенных в одной книге.

Структура работы. Первое издание «Очерка философии для женщины» открывается обращением Крюгера к Филиппине Шарлотте Прусской, герцогине Брауншвейг-Вольфенбюттельской, от 14 апреля 1751 г., в котором он представляет это сочинение. Крюгер пишет, что взял на себя смелость опубликовать эту работу, чтобы показать: не только в Италии и Франции есть женщины, которые находят удовольствие и интерес в изучении философии. Далее следует его же предисловие к работе. «Очерк естественной истории и учения о природе как таковой для женщины» содержит только предисловие, написанное самой фрау Унцер. С ее точки зрения, «предметы учения о природе более приятны, чем предметы прочих частей философии» (Unzer, 1751a, [Vorrede] S. 3^v), и, кроме того, справедливость требует признать, что среди женщин также есть те, кто открывает новые истины, хотя такие женщины довольно редки (Unzer, 1751a, [Vorrede] S. 4–4^v).

Второе издание дополнено предисловиями самой фрау Унцер — к первой части более развернутым, ко второй — весьма кратким. Она признается в безразличии, которое изначально питала к представленному сочинению, однако в то же время выражает надежду на то, «что оно могло быть полезно многим женщинам, стремящимся к учению» (Unzer, 1767, S. b3^v), поскольку многие уверяли ее в этом. Она также признается, что хотя книга вышла под ее именем, ее собственного вклада в этом сочинении практически нет. Действительно, она усердно занималась изучением логики и метафизики: муж напи-

⁷ Поскольку оба супруга активно публиковались, уже при жизни возникла проблема их различения. Сформировавшийся вариант обозначения супруги «Unzerin» сохранился в немецкоязычной литературе до сегодняшнего дня (и именно это имя фигурирует в библиотечных каталогах даже в случае тех сочинений, которые были опубликованы до замужества). Однако в современном русском языке невозможно сконструировать морфологический аналог в виду его явной неуважительности.

At practically the same time Mrs Unzer⁷ moved together with her husband to Hamburg and then to Altona. After moving there she won popularity by her poetic works. The second edition of her *Essays* brought into a single volume was published in 1767.

Structure of the work. The first publication *Grundriß einer Weltweisheit für das Frauenzimmer* opens with Krüger's address to Philippine Charlotte of Prussia, Duchess consort of Brunswick-Wolfenbüttel, dated 14 April 1751, in which he introduces his work. Krüger writes that he has made so bold as to publish this work in order to demonstrate that not only Italy and France have women who derive pleasure from and have an interest in the study of philosophy. Then follows his own preface to the work. *Grundriß einer Natürlichen Historie und eigentlichen Naturlehre für das Frauenzimmer* contains only the preface written by Mrs Unzer herself. From her point of view, "the subjects of learning about nature are more pleasant than the subjects of other parts of philosophy"⁸ (Unzer, 1751a, [Preface] p. 3v), and besides, for fairness sake, it has to be said that there are even among women those who discover new truths, although such women are still rare (Unzer, 1751a, [Preface] pp. 4-4^v).

The second edition is provided with prefaces by Mrs Unzer herself, an extended one to the first part and a fairly brief one to the second part. She admits that from the start she felt indifferent to the work introduced while believing at the same time that "it could be useful to many women seeking learning"⁹ (Unzer, 1767, p. b3^v) because many had communicated this themselves. She also admits that, although the book was published under her name, her own contribution to it was practically nil. She had made an honest effort to study logic and metaphysics: her husband had written her many letters with translations and explications of Baumgarten's metaphysics. When J. G. Krüger, her uncle, saw this correspondence he said the philosophical work should be published immediately. As a result, the work simply

⁷ Because both husband and wife published prolifically, telling one from the other became a problem during their lifetime. The wife came to be traditionally referred to as *Unzerin*, a name which has survived in German-language literature to this day (it is this name that is entered in library catalogues even for works that were published before her marriage). However, modern Russian does not allow of constructing a morphological analogue because it sounds distinctly disrespectful.

⁸ "Die Naturlehre hat angenehmere Gegenstände, als die andern Theile der Weltweisheit."

⁹ "[...] daß sie vielen lehrbegierigen Frauenzimmern nützlich gewesen sein mag."

сал ей множество писем, которые содержали перевод метафизики Баумгартена и его пояснения. Увидев эту переписку, господин Крюгер, ее дядя, настоял на незамедлительной публикации сочинения по философии. В итоге работа просто воспроизводит последовательность писем, от самой фрау Унцер в ней нет ничего, «кроме способа представления материала и выбора некоторых примеров и украшений». Она отмечает: «Я знаю наверняка, что философия для женщины должна быть представлена совершенно иначе, и многое, особенно из онтологии, что я сохранила, следовало бы убрать». Также фрау Унцер сообщает, что вторая часть работы — «просто сокращение учения Крюгера о природе, а естественная история — система господина Линнея» (Unzer, 1767, S. b4). Из этого предисловия следует, что физика вызывает у Йоханны Шарлотты большее расположение, нежели философия. Она признается, что так и не смогла отважиться на улучшение своей работы, которая должна была бы выглядеть совершенно иначе. Действительно, количество параграфов и их заголовки остались прежними, заметны лишь небольшие формальные изменения: например, примечания Крюгера, приводившиеся в конце первого издания, во втором превратились в примечания подстрочные. Первая часть работы посвящена логике и метафизике, которая состоит из онтологии, космологии, психологии (эмпирической и теоретической), а также включает естественное учение о Боге. Вторая часть посвящена физике, в которой выделяется две составляющие — естественная история и собственно физика.

2. Филиппина Книгге

Филиппина Августа Амалия Книгге, после замужества фон Реден (1775–1841) — дочь Адольфа Книгге, впоследствии стала известна как писательница и переводчица. Ее отец прославился своей работой «Об обхождении с людьми» (Knigge, 1788), которая представляет собой свод правил обхождения с людьми всех сословий и положений, а также наставлений о житейской мудрости. Сочинение получило огромную популярность не только в Германии, но и за ее пределами⁸. Само имя автора, так же как и выражение «жить по Книгге», надолго стали нарицательными, и в Германии до сих пор хорошо известен анекдот, повествующий о путешествии

⁸ В 1810 г. в Санкт-Петербурге вышел перевод этой книги на русский язык, выполненный Яковом Лангеном (Книгге, 1810) и выдержавший несколько переизданий.

presents the sequence of letters to which Mrs Unzer contributed nothing “except the method of presenting material and choosing some examples and embellishments.”¹⁰ She notes: “I know for sure that philosophy for women should be presented in a totally different manner and much of what I have left in, especially ontology, should have been left out”.¹¹ Mrs Unzer also notes that the second part of the work was a “simple abridgement of Krüger’s teaching on nature while natural history is the system of Mr Linnaeus”¹² (Unzer, 1767, p. b4). It also follows from this preface that Johanne Charlotte was more sympathetic towards physics than philosophy. Mrs Unzer admits that she could never bring herself to improve her work which should have had a totally different look. Indeed, the number of paragraphs and their titles remain the same with only minor formal changes: for example, Krüger’s notes printed at the end of the first edition became footnotes in the second. The first part of the work is devoted to logic and metaphysics consisting of ontology, cosmology (empirical and theoretical), psychology and also includes a natural teaching about God. The second part is devoted to physics which has two components: natural history and physics proper.

2. Philippine Knigge

Freiin Philippine Auguste Amalie Knigge, who became von Reden (1775-1841) after getting married, was the daughter of Freiherr Adolph Knigge, who would later become known as an author and translator. Her father gained fame with his work *Ueber den Umgang mit Menschen* (Knigge, 1788), which is a compendium of rules for dealing with people of all social estates and positions and tips on practical wisdom. The work was hugely popular in and outside Germany.¹³ The author’s name, like the expression “to live according to Knigge,” were by-words for a long time and anecdotes about Mr Knigge’s travels are still well known in Germany. During his

¹⁰ “*Mein eigen ist nichts als die Einkleidung des Vortrages, und die Wahl von einigen Exempeln und Verzierungen.*”

¹¹ “*Ich glaube gewiß, daß eine Philosophie für das Frauenzimmer weit anders eingerichtet und vieles, aus der Grundwissenschaft besonders, was ich beibehalten habe, wegbleiben müßte.*”

¹² “*Der andere Theil ist eine bloße Abkürzung der Krügerschen Naturlehre, und die natürliche Geschichte ist das Sistem des Herrn Linnäus.*”

¹³ A Russian translation of this book by Jakob Langen was first published in St. Petersburg in 1810 (Knigge, 1810), followed by several reprints.

господина Книгге. Во время поездки в Китай, куда Книгге направился для изучения местных обычаев и нравов, корабль потерпел крушение. Плывая в теплых океанских водах, преподаватель этикета увидел акулу, но по счастью в его кармане оказался перочинный нож. Подплыв поближе и увидев это, акула в изумлении воскликнула: «Как же это возможно, господин Книгге, использовать для рыбы нож?» Пристыженный Книгге выпустил нож из рук и пал жертвой собственной славы⁹.

Кроме того, наряду с романами и сатирическими путевыми заметками, широкую известность получили «Письма о воспитании» (1784–1785), в которых Книгге высказывается в том числе и о воспитании девочек. Частично сохранились его письма к дочери, которые также дают представление о его педагогических идеях и их практическом воплощении¹⁰. Хотя в «Письмах о воспитании» воображаемый советчик приходит к выводу, что если бы надо было выбирать, он бы предпочел, чтобы его дочь «не умела ни читать, ни писать вместо того, чтобы не уметь ни вязать, ни готовить» (Knigge, 1992, S. 64), сам Книгге был весьма озабочен воспитанием дочери. Например, в письме от 2 июля 1790 г. он советует Филиппине занимать часы досуга чтением сочинений Вольтера и «Энциклопедии», а также рекомендует учебники по геометрии и математике (см.: Grätz, 2013)¹¹. С раннего возраста Филиппина занималась сочинительством: в 1785 г. в журнале для женщин, который издавался Давидом Кристофом Зейбольдом, было опубликовано стихотворение, написанное ею в десять лет (Knigge, 1785), а всего четыре года спустя вышла работа «Опыт логики для женщин» (Knigge, 1789). В письмах 1789 г. Книгге настаивает на том, что дочери необходимо продолжать работать над рукописью, и просит предоставить ее силуэт для размещения на титульном листе. Сама Филиппина и не скрывает, что «лишь незначительная часть того, что написано на этих страницах» принадлежит ей самой, «большой частью это конспект устных рассуждений моего любимого отца, изложенных в часы занятий, которые он мне уделял» (Knigge, 1789, S. V–VI). Учитывая, что главное сочинение ее родителя посвящено эти-

⁹ Эта история даже служит упражнением в учебнике немецкого языка для иностранцев: (Griesbach, Schulz, 1976, S. 207).

¹⁰ Переписка длилась с 1786 по 1790 г. (см.: Grätz, 2013, S. 31–90).

¹¹ Подробнее о том, в чем расходилась теория и практика воспитания девушек в случае Адольфа Книгге, см.: (Nübel, 1998; Grätz, 1999, S. 92–102).

trip to China where Mr Knigge went to study local customs and mores a shipwreck occurred. Swimming in the warm ocean waters the instructor in etiquette encountered a shark, but luckily he had a pocket knife. When the shark moved closer it exclaimed, “How is it possible, Mr Knigge, to eat fish with a knife?” Deflated, Knigge let the knife drop and thus became a victim of his own fame.¹⁴

In addition, along with novels and satirical travel notes, *Briefe über Erziehung* (1784–1785) became widely known. In that book Knigge speaks *inter alia* about the education of girls. Some of his letters to his daughter have survived to give us an inkling of his pedagogical ideas and their implementation.¹⁵ Nevertheless in *Briefe über Erziehung* the imaginary advisor comes to the conclusion that if he were to choose he would prefer his daughter “to be unable to read or write rather than to be unable to knit and cook”¹⁶ (Knigge, 1992, p. 64). Knigge himself was very concerned about his daughter’s education. For example, in a letter dated 2 July 1790 he advises Philippine to read the works of Voltaire and *The Encyclopedia* in her spare time and also recommends manuals on geometry and mathematics (cf. Grätz, 2013).¹⁷ Philippine took to writing from an early age: a poem she wrote at the age of ten was published in a women’s magazine by David Christoph Seybold in 1785 (Knigge, 1785, p. 168), and four years later her work *Versuch einer Logic für Frauenzimmer* (Knigge, 1789) was published. In the letters written in 1789 Knigge urges his daughter to continue working on her manuscript and asks her to send a silhouette to be placed on the title page. Philippine makes no bones about the fact that she has written “only a small part of what is written in these pages, [...] for the most part this is a summary of the oral reflections of my beloved father during the hours that he devoted to my education”¹⁸ (Knigge, 1789, pp. V–VI). Considering that her parent’s main work was devoted to etiquette in the broad sense of the word logic

¹⁴ The story is used as an exercise in the German manual for foreigners (Griesbach and Schulz, 1976, p. 207).

¹⁵ The correspondence lasted from 1786 to 1790 (cf. Grätz, 2013, pp. 31–90).

¹⁶ “[...] nicht lesen noch schreiben, als nicht stricken noch kochen können.”

¹⁷ For more detail on the divergencies between theory and practice in the upbringing of girls by Adolph Knigge see Nübel (1998, pp. 58–66) and Grätz (1999, pp. 92–102).

¹⁸ “Allein das Geringste von dem, was in diesen Blättern steht, gehört mir eigen. [...] Es ist größtentheils nachgeschrieben, nach dem mündlichen Vortrage meines lieben Vaters, in den Stunden des Unterrichts, den er mir widmete.”

кету в широком смысле слова, логика по умолчанию выступает его составной частью. Тем самым многочисленные споры первой половины XVIII в. о статусе логики (является ли она наукой, учением, искусством, органом, инструментом и пр.¹²) решаются в пользу представления о логике как о своде правил практической направленности, которые в совокупности представляют собой некое искусство.

Исследователи отмечают, что примеры и отдельные логические высказывания подобраны и сформулированы самой Филиппиной. «Я хорошо знаю, что лишь немногие представительницы моего пола могут иметь настоящую профессию, вступив на научное поприще, но что, по крайней мере, одна девушка пятнадцати лет должна была вообразить себе написание философской книги» (Knigge, 1789, S. V). Филиппина также готовит для отца различные переводы с английского и итальянского (в том числе либретто различных опер) и выполняет другие конспекты по его просьбе. Тем не менее нельзя считать, что она была всего лишь рупором идей господина Книгге или его младшим соавтором. После смерти отца в 1796 г. литературная деятельность Филиппины не прекратилась.

Структура работы. В предисловии Филиппина формулирует методическую задачу своего конспекта — в процессе письма она стремится понять, насколько хорошо усвоила материал, изложенный ее отцом. В более широком плане ее задача — разделить «то удовольствие, которое... [ей] доставило изучение логики», с другими лицами того же пола (Knigge, 1789, S. VI). Она выражает несогласие с теми, кто упрекает логику в том, что она является жалкой и ненужной галиматъей. Филиппина признается, что зачастую сохраняла латинские или французские выражения, поскольку в немецком языке, с ее точки зрения, нет адекватных аналогов. Любопытна приводимая ею иллюстрация данного тезиса: «Так, к примеру, не существует немецкого слова, которое как *ratio*, *raison* обозначало бы одновременно объективный и субъективный разум и в то же время причину» (Knigge, 1789, S. IX). В сочинении используется термин *Logic*, однако учитывая, что дисциплина зачастую обозначается как *Vernunftlehre*, можно заключить, что для ключевого понятия логики как учения разума нет адекватного немецкого термина.

Во введении излагаются цели, польза и положение логики среди других философских дисциплин, а также формулируется определение самого

constitutes a part of it by default. Thus the numerous arguments in the first half of the eighteenth century on the status of logic (whether it is a science, a teaching, an art, an *organon*, an instrument, etc.)¹⁹ are resolved in a way that presents logic as a compendium of rules of a practical nature which in their totality represent a kind of art.

Researchers note that the examples and some logical propositions have been selected and formulated by Philippine herself. “I am well aware that only a few members of my sex have a genuine calling to enter the scientific field and that a girl of fifteen should least of all take it into her head to write a philosophical book”²⁰ (Knigge, 1789, p. V). Philippine does various translations from English and Italian (including librettos of various operas) and does other summaries at her father’s request. However, it would be wrong to think that she was merely a mouthpiece of Mr Knigge or his junior co-author. After her father’s death in 1796 Philippine continued her literary activities.

Structure of the work. In a preface Philippine formulates the methodological task of her work: in the process of writing she seeks to understand how well she has grasped the material set forth by her father. More broadly, her task is to share the pleasure she “derived from the study of logic” with other people of her sex²¹ (Knigge, 1789, p. VI). She disagrees with those who consider logic to be piddling and useless balderdash. Philippine admits that she often retained Latin or French expressions because she thought there were no adequate analogues for them in German. Here is one curious illustration she gave for her thesis: “Thus for example, there is no German word which, like *ratio*, *raison* means simultaneously objective and subjective reason and at the same time the cause”²² (Knigge, 1789, p. IX). She uses the term “*Logic*” in her book, but considering that the discipline is often referred to as “*Vernunftlehre*”, one may conclude that there is no adequate German term for the key concept of logic as the teaching of reason.

¹⁹ For more detail see Pozzo (1988).

²⁰ “*Ich weiß wohl, daß Wenige meines Geschlechtes wahren Beruf haben können, eine gelehrte Laufbahn zu betreten, und daß am wenigsten ein Mädchen von funfzehn Jahren sich sollte einfallen lassen, ein philosophisches Buch zu schreiben.*”

²¹ Cf. “[...] und ich glaubte, es würde andern Personen meines Geschlechtes nicht unangenehm noch unnütz sein, wenn ich den Genuß, welchen mir das Studium der Logic gewährt hatte, mit ihnen theilte.”

²² “*So giebt es, z. B. kein teutsches Wort, welches, so wie ratio, raison, zugleich objectivische und subjectivische Vernunft und zugleich Ursache bedeutete.*”

¹² Подробнее об этом см.: (Pozzo, 1988).

понятия. Традиционно для того времени выделяется два вида логики: естественная логика, которую можно развивать посредством тренировки, и искусственная, которая представляет собой практическую науку¹³. Основной корпус работы включает пять разделов: о понятиях; о символическом познании; об определениях, или объяснениях; о суждениях и высказываниях; об умозаключениях и силлогизмах.

Мне известны четыре сочинения XVIII в., написанных мужчинами для того, чтобы женщины могли изучать логику: анонимная работа «Учение разума, представленное в диалогах для удобства использования дамами», опубликованная в 1763 г. издательством Иоганна Генриха Рюдигера; «Краткое учение разума для женщин» Кристиана Готлиба Атце с предисловием Христиана Готлиба Штайнберга (Atze, 1778); еще одно анонимное сочинение «Надежное средство для девушек, чтобы стать достойными женщинами», опубликованное в 1780 г. в Вене издательством Герольда; и наконец, «Малая логика, или учение о применении разума» — вольный перевод с французского, выполненный Фридрихом Эберхардом Роховом и представленный в виде письма даме (Rochow, 1789).

3. «Учение разума, представленное в диалогах для удобства использования дамами»

Достаточно объемное сочинение по логике «Учение разума...» (Anonymus, 1763) предваряет анонимное обращение автора к двум своим друзьям, подписанное инициалами «J. F. Sz.». Оно дает краткое описание и оценку содержания данного сочинения. Из него же мы узнаем, что перед нами — перевод, но ни автор, ни язык оригинала не упоминаются. Однако нет никакого сомнения в том, что оригиналом является французское сочинение «Аглая-философ» («Aglæe philosophe»), опубликованное в 1755 г. в Лозанне. Его автор — Франсуа Жак Дюран (1727–1816), пастор из Берна, с 1785 г. профессор статистики и истории церкви и с 1791 г. моральной философии в академии Лозанны¹⁴.

¹³ Ср., например: (Walch, 1726, Sp. 1656–1657, 2667–2676).

¹⁴ Впрочем, в нескольких рецензиях на рассматриваемое сочинение указывается, что он был профессором философии в Париже. Как бы то ни было, Дюран был известен прежде всего благодаря своему четырехтомному сочинению «Элементарная статистика» (Durand, 1795–1796), на которое ссылался даже Т. Мальтус.

The introduction sets forth the purpose, the uses and the position of logic among other philosophical disciplines and provides the definition of the concept. At the time two traditional types of logic were recognised: natural logic, which could be developed through practice, and artificial logic, which is a practical science.²³ The main body of her work includes five sections: on concepts (“*Von Begriffen*”), on symbolic cognition (“*Von der symbolischen Erkenntniß*”), on definitions (“*Von den Definitionen oder Erklärungen*”), on judgments and propositions (“*Von den Urtheilen und Sätzen*”), on conclusions and syllogisms (“*Von den Vernunft-Schlüssen und den Schlußreden (Silloqismen)*”).

I am aware of four eighteenth-century works written by men to enable women to study logic. They are: the anonymous work *Vernunftlehre zum bequemen Gebrauche der Damen in Gespräche abgefaßt*, published in 1763 by Johann Henrich Rudiger; *Kurze Vernunftlehre für Frauenzimmer* by Christian Gottlieb Atze with a preface by Christian Gottlieb Steinberg (Atze, 1778); another anonymous work *Sicheres Remedium für Mädchen um sich zur würdigen Frauen zu bilden*, published in Vienna in 1780 by Herold; and finally *Eine kleine Logik oder Vernunft-Anwendungs-Lehre* — a loose translation from French by Friedrich Eberhard Rochow and presented as a letter to a lady (Rochow, 1789).

3. *The Teaching of Reason Presented in Dialogues for Convenient Use by Ladies*

A fairly voluminous work on logic *Vernunftlehre zum bequemen Gebrauche der Damen...* (Anon., 1763) is preceded by the author's anonymous address to two of his friends and signed «J. F. Sz.». It provides a brief description of the work and evaluates the content. We learn from it that this is a translation, but neither the author nor the language of the original are mentioned. There is, however, not the slightest doubt that the original was the French work *Aglæe philosophe*, published in Lausanne in 1755. Its author is François Jacques Durand (1727–1816), a pastor from Bern, professor of statistics and church history since 1785 and of moral philosophy

²³ See for example Walch (1726, col. 1656-1657, 2667-2676).

Это сочинение выдержало несколько переизданий, при этом название его трансформировалось: издание 1757 г., вышедшее в Невшателе, именуется «Аглая-философ, или Курс философии для дам» («Aglæe philosophe ou Cours de Philosophie à la portée des Dames»); в 1762 г. оно было перепечатано под названием «Логика, доступная дамам» («La logique mise à la portée des dames»), хотя после предисловия все-таки сохранен старый заголовок («Aglæe philosophe ou Cours de Philosophie»). Именно это издание ляжет в основу рассматриваемого анонимного перевода, однако даже до его появления имелось несколько немецкоязычных рецензий на оригинальное сочинение¹⁵. Примечательно, сколь радикально меняется акцент в названиях — сочинение по философии превращено в сочинение по логике, и именно в таком виде переводится на немецкий язык.

Анонимный переводчик в своем предисловии отмечает, что Германию в последние годы буквально наводнили различные сочинения по логике, и многие, в том числе и его друзья, давно убедились: большая часть этих работ, имея прекрасную цель — указывать путь к истине, улучшать рассудок, просветлять его, предохранять его от заблуждений, — на деле представляет собой «убогую ерунду», плачевный хаос из правил, пошлых искусственных слов и невразумительных выражений. Иными словами, все эти многочисленные сочинения суть не что иное, как «несносная галиматья» (Anonymus, 1763, S. 4). Вполне естественно, что многие относятся к логике с большим пренебрежением. Далее переводчик отмечает, что, хотя автор оригинального сочинения и не создал шедевр, форма повествования, приятное и основательное изложение, безусловно, способны сделать логику более популярной, а также убедить читателей в том, что величайшие умы прошлых столетий по праву высоко ценили эту дисциплину. Он также перечисляет основные источники автора оригинала — это работы Дж. Локка, В.Я. Гравезанда, Ж.-П. Крузы (Crousatz), Х. Вольфа. Понятия, используемые этими уче-

¹⁵ Дважды анонсируется в журнале «Ежемесячные новости о кое-чем примечательном»: в 1756 г. в «Дополнении к Ежемесячным новостям от июня и июля» (Monatlichen Nachrichten..., 1756) и в следующем году в июльском выпуске (Monatliche Nachrichten..., 1757); упоминание встречается в еженедельном издании «Четверговые новости из Цюриха» (Donnstags Nachrichten..., [S. 4]) от 4 августа 1757 г.; подробная рецензия выходит в «Еженедельных ученых новостях к гамбургскому беспристрастному корреспонденту» от 12 октября 1759 г. (Anonymus, 1759).

at the Lausanne Academy since 1791.²⁴ The work went through several editions under various titles: the 1757 publication brought out in Neuchâtel is titled *Aglæe philosophe ou Cours de Philosophie à la portée des Dames*; in 1762 it was reprinted under the title *La logique mise à la portée des dames*, although the preface is followed by the old title (*Aglæe philosophe ou Cours de Philosophie*). This edition would form the basis of the anonymous translation, yet even before it saw the light of day several German language reviews of the original work had appeared.²⁵ It is noteworthy how dramatically the accent of the titles changes: a work on philosophy becomes a work on logic and is translated into German as such.

The anonymous translator notes in his preface that Germany had been inundated by various works on logic and many people, including his friends, had long realised that the majority of these works, while pursuing a laudable goal — to show the path to the truth, enhance the mind, enlighten it and protect it from delusions — were in reality “pitiful stuff,”²⁶ a lamentable hodgepodge of rules, vulgar, artificial words and obscure expressions. In other words, all these numerous works were nothing but “insupportable nonsense”²⁷ (Anon., 1763, p. 4). No wonder many regarded logic with great contempt. The translator goes on to note that although the author of the original work had not created a masterpiece, the form of the narrative was pleasurable and thorough narrative might certainly make logic more popular and convince readers that the greatest minds of past centuries were right in putting a high value on this discipline. He also lists the main sources on which the author of the original drew. These are the works of John Locke, Willem Jacob’s Gravesande, Jean-Pierre de Crousa(t)z, Christian Wolff. The concepts used by these scholars come in for thorough scrutiny: the author eliminates obscure and lengthy verbiage and proceeds to build a natu-

²⁴ However, several reviews of the work say that he was a philosophy professor in Paris. Be that as it may, Durand was known mainly for his four-volume work *Statistique Élémentaire* (1795-1796), which was even cited by T. Malthus.

²⁵ Twice announced in the journal “*Monatliche Nachrichten einicher Merkwürdigkeiten*”: in 1756 in “*Zugabe...*” for June and July (*Monatliche Nachrichten...*, 1756) and the following year in the July issue (*Monatliche Nachrichten...*, 1757); it is mentioned in the weekly “*Donnstags Nachrichten von Zürich*” ([p. 4]) of 4 August 1757; a detailed review was published in “*Wöchentliche gelehrte Nachrichten. Zum Hamburg. unparthenischen Correspondenten*” of 12 October 1759 (Anon., 1759).

²⁶ “[...] erbärmliches Zeug [...]”

²⁷ “[...] unausstehliches Gewäsche [...]”

ными мужами, тщательно исследуются автором: он устраняет встречающееся непонятное и пространное словоблудие и затем выстраивает естественную, основательную и при этом легкую систему, которую излагает со всей отчетливостью и изяществом. Кроме того, переводчик подчеркивает свое стремление сохранить особый стиль изложения, присущий оригинальному сочинению.

Структура работы. Автор в своем предисловии кратко рассматривает четыре вопроса, позволяющих продемонстрировать верховенство философии: кто я? где я? почему я? чем я стану? Основным диалогам предшествует еще одно предисловие: в несколько сказочной форме оно повествует о жизни молодой девушки по имени Аглая, которая – в соответствии с идеалами Просвещения – родилась в стране, лишенной предрассудков, и ее отец окружил себя обществом, в котором часто велись разговоры и споры о философских системах. Один из родичей девушки – шевалье, человек большой учености и вкуса, задался целью сделать из нее философа, для чего вел с ней беседы, воспроизведенные на страницах книги.

Основной корпус работы включает десять диалогов. Структура несколько упрощена в сравнении с оригинальным сочинением 1762 г., в котором выделялись предисловие (первые три диалога) и основная часть, диалоги которой были пронумерованы заново. Переводчик добавляет в конце оглавление, в котором воспроизводится краткое содержание диалогов, но убирает индекс используемых терминов, который присутствовал в оригинальном сочинении. Тематика диалогов постепенно сужается, переходя от общеполитических вопросов, связанных с понятиями духа, сущности, к более специальным, связанным с понятиями истины, достоверности, идеи. Четвертый диалог посвящен непосредственно учению разума: понятиям разума и рассудка, источникам заблуждения, а также пользе логики. Обыкновенно логику (*Vernunftlehre*) в традиции Арно и Николя в этом диалоге определяют как искусство (*Kunst*) мыслить, или искусство обнаруживать истину. Однако шевалье критикует подобные определения за их слишком общий характер: ведь учение разума позволяет не только мыслить разумно, но и разумно судить и излагать, а также правильно упорядочивать суждения; к тому же после того, как истина обнаружена, учение разума предоставляет правила по открытию ее другим и себе в соответствии с определенным порядком. Шевалье предлагает следующее определение: учение разума

ral, well-grounded and readily understandable system presented with clarity and elegance. Besides, the translator stresses that he sought to preserve the distinctive style of the original narrative.

Structure of the work. In his preface the author briefly touches on four questions which claim to demonstrate the supremacy of philosophy. These are: Who am I? Where am I? Why am I? What shall I become? The main dialogues are preceded by yet another preface: it is a fairytale-like story of the life of a young girl by the name of Aglaé who – in accordance with the Enlightenment ideal – was born in a country devoid of prejudices and whose father had surrounded himself with a society in which philosophical systems were frequently the subjects of discussion and arguments. One of the girl's relatives, a chevalier, a man of great learning and refined taste, decided to make her a philosopher, for which purpose he engaged her in conversations reproduced in the book's pages.

The main body of the work consists of ten dialogues. The structure is somewhat simplified by comparison with the original 1762 work which had a preface (the first three dialogues) and the main part where the dialogues were numbered from the beginning again. The translator adds the contents at the back of the book, reproducing the brief content of the dialogues, but removes the index of the terms used that was present in the original work. The topics of the dialogues gradually narrow down from general philosophical issues involving the concept of spirit and essence to more specific concepts of truth, veracity and idea. The fourth dialogue is devoted to the teaching of reason: the concepts of reason and understanding, the sources of delusions and the uses of logic. Logic (*Vernunftlehre*) is traditionally, following Antoine Arnauld and Pierre Nicole, referred to as an art (*Kunst*) of thinking or an art of discovering the truth. However, the chevalier challenges these definitions because they are too general; the teaching of reason does not only teach one to think reasonably, but to judge and to state reasonably as well as correctly to order the judgements; besides, after the truth has been found, the teaching of reason offers rules by which it and others discover itself in accordance with a certain order. The chevalier proposes the following definition: the teaching of reason is the art of judging methodically. This formula includes all the aspects of the teaching of reason consisting of four parts: on concepts, or ideas, and on expressions; on judgments and sen-

есть искусство судить методически. Такая формулировка включает в себя все аспекты учения разума, которое состоит из четырех частей: о понятиях, или идеях, и о выражениях; о суждениях и о предложениях; об умозаклучениях и об аргументации; наконец, о методе (под этим подразумевается порядок, в соответствии с которым умозаклучения соединяются между собой). Такое членение лишь с небольшими модификациями воспроизводит структуру «Логики Пор-Рояля».

Большую часть рассматриваемого диалога занимает обсуждение основных источников заблуждений: способности воображения, темперамента, себялюбия, внешнего авторитета. Подробно описываются виды темперамента, поскольку темперамент является источником наших аффектов и склонностей. Соответственно, в рамках логики довольно большое внимание уделяется темам, традиционно относящимся к эмпирической психологии или будущей антропологии. При рассмотрении видов темперамента оказывается, что учение разума также связано и с медициной. Примечательно, что при описании сущности логики и ее задач используются медицинские метафоры: учение разума есть «врачеватель человеческого духа», который предписывает определенные лекарства, позволяющие бороться с болезнями (Anonymus, 1763, S. 117). Тем самым получается, что французская традиция понимания логики как искусства правильно мыслить смыкается с немецкой латинизированной традицией понимания логики как врачевания ума, представленной в работах Э.В. фон Чирнхауза и И. Ланге¹⁶.

Кроме того, достаточно подробно рассматривается вопрос о пользе и необходимости логики, в ходе чего излагается позиция Вольфа о соотношении естественного и искусственного учения разума, дополняемая ссылкой на «Логикю Пор-Рояля». Аглая, пересказывая позицию Вольфа и его аналогию правил для духа и правил для тела, задается вопросом: не делает ли все это учение разума (иными словами, искусственную логику) ненужным? Однако ее наставник твердо убежден в обратном: поскольку положение вещей таково, что естественное состояние изобилует ошибками и недостатками, помощь искусства, т.е. искусственного учения разума, необходима — именно оно способно направлять дух и совершенствовать его способности. Шевалье также указывает, что позиция Вольфа внутренне противоречива: ведь если Вольф считает,

tences; on conclusions and on argumentation; and finally, on the method (by which is meant the order in accordance with which conclusions are connected with one another). This arrangement reproduces the structure of the *Port-Royal Logic* with slight modifications.

The bulk of the dialogue is devoted to discussing the main sources of delusions: the powers of imagination, temperament, selfishness, superficial authority. Types of temperaments come in for a detailed description because temperament is the source of our affects and inclinations. Accordingly, logic devotes much attention to the topics traditionally included in empirical psychology or future anthropology. In considering the types of temperament it turns out that the teaching of reason also has links with medicine. It is notable that in describing the essence of logic and its tasks medical metaphors are used: the teaching of reason is the “physician of the human spirit”²⁸ which prescribes certain medications that combat disease (Anon., 1763, p. 117). Thus the French tradition of logic as an art of right thinking links up with the German latinised tradition of interpreting logic as healing of the mind, presented in the works of Ehrenfried Walther von Tschirnhaus and Joachim Lange.²⁹

In addition, there is a detailed discussion of the issue of the use and necessity of logic during which Wolff’s position on the relationship between the natural and artificial teaching of reason is spelled out with a reference to the *Port-Royal Logic*. Aглая, rendering Wolff’s position and his analogy of rules for the spirit and rules for the body asks a question: “Doesn’t all this make the teaching of reason (in other words, artificial logic) redundant?” But her mentor is convinced of the opposite: because the state of affairs is such that the natural state abounds in errors and shortcomings the assistance of art, i. e. artificial teaching of reason, is necessary; it can direct the spirit and improve its faculties. The chevalier also notes that Wolff’s position is self-contradictory: if Wolff believes that “an artificial teaching of reason and rules clarify and develop the natural [teaching of reason — A.Kh.]”³⁰ (Anon., 1763, p. 140), it can never be redundant.

The author of the original work, F. J. Durand, was undoubtedly well-versed in the German philo-

²⁸ “[...] der Arzt des menschlichen Geistes [...]”

²⁹ Cf. Krouglov (2018, p. 162), Lange (1718), Tschirnhaus (1695).

³⁰ “[...] die künstliche Vernunftlehre, die Regeln der natürlichen heller machen und mehr entwickeln.”

¹⁶ См.: (Круглов, 2018, с. 162; Lange, 1718; Tschirnhaus, 1695).

что «искусственное учение разума и правила проясняют и развивают естественное (учение разума.— А.Х.)» (Anonymus, 1763, S. 140), то оно никак не может быть ненужным.

Не вызывает сомнений, что автор оригинальной работы месье Дюран был неплохо знаком с немецкой философской традицией. Об этом свидетельствуют содержательные отсылки к немецким авторам (подробное обсуждение так называемой «Немецкой логики» Вольфа, ссылки на Ф.Х. Баумайстера). Более того, визуальное оформление оригинальной работы — краткое содержание, предвещающее каждый диалог; краткие приписки на полях, маркирующие тематику того или иного раздела; индекс используемых терминов — выдержано вполне в духе компендиумов Вольфа. Однако используемая шевалье терминология (в том числе то, что он постоянно определяет учение разума как «искусство» и рассматривает его как инструмент) говорит скорее о том, что автор оригинала остается в стороне от магистральных споров немецкой философии, в которых определение логики как искусства, предложенное И.Г. Дарьесом, явно не было доминирующим. Примечательно, что в переводе наблюдается довольно странное для немецкоязычного пространства использование терминов «рассудок» и «разум», последовательное различие которых скорее отсутствует. Так, например, в качестве отличительной способности человеческого духа рассматривается рассудок: учение разума «приводит в порядок рассудок, улучшает его и обогащает» (Anonymus, 1763, S. 116). Эти странности вызваны решением переводчика передавать французский термин *logique* как *Vernunftlehre*, а не как *Logik*, и использовать в качестве эквивалента для *Entendement* немецкое *Verstand*.

4. «Краткое учение разума для женщин»

В 1778 г. вышла работа под названием «Краткое учение разума для женщин» (Atze, 1778). Про ее автора, Христиана Готтлиба Атце, известно немного помимо того, что он был проповедником и педагогом. Предисловие, написанное Х.Г. Штейнбергом, проясняет контекст возникновения этой работы — она является одной из частей инициированного им многотомного учебника для женщин. Первая книга появилась в 1772 г. и содержала две части: наставления, касающиеся правил чтения, письма и счета, а также принципы хорошего изложения и составления писем (Steinberg, 1772)¹⁷. Судя по всему,

¹⁷ См. также рецензию, вышедшую в рамках обзора книг по воспитанию: (Anonymus, 1773).

sophical tradition. This is evidenced by the substantive references to the German authors (a detailed discussion of Wolff's *German Logic*, references to Friedrich Christian Baumeister). Furthermore, the visual design of the original work — brief contents preceding each dialogue; brief marginal notes marking the topic of this or that section; a glossary of the terms used — are very much in the spirit of Wolff's compendiums. However, the terminology used by the chevalier (notably his constant definition of the teaching of reason as an "art" and as an instrument) seems to suggest that the author of the original distances himself from the mainstream arguments of German philosophy which clearly were not inclined to define logic as an art as Joachim Georg Darjes proposed. It is notable that the translation, rather oddly for the German-speaking space, uses the terms "understanding" and "reason" without a consistent distinction between them. Thus for example, reason is seen as a distinctive faculty of the human spirit: the teaching of reason "orders the understanding and improves and enriches it"³¹ (Anon., 1763, p. 116). These inconsistencies are due to the fact that the translator has chosen to translate the French term "*Logique*" as "*Vernunftlehre*", and not as "*Logik*", and to use the German "*Verstand*" for "*Entendement*".

4. Brief Teaching of Reason for Women

The work *Kurze Vernunftlehre für Frauenzimmer* was published in 1778 (Atze, 1778). Little is known about its author, Christian Gottlieb Atze, apart from the fact that he was a preacher and a pedagogue. Christian Gottlieb Steinberg's preface provides the context in which this work was conceived: it forms one part of the multi-volume manual for women he had initiated. The first book published in 1772 contained two parts: instructions concerning the rules of reading, writing and counting as well as the principles of good narrative and letter writing (Steinberg, 1772).³² The work apparently was a success and the author kept the promise made in the preface — 1774 he issued the second book, which deals with morals,

³¹ Cf. "*Die Vernunftlehre [...] ist es, die den Verstand in Ordnung bringt, ihn bessert, und bereichert.*"

³² See also the review included in the survey of books on education (Anon., 1773).

сочинение пользовалось успехом, и автор сдержал данное в предисловии обещание — в 1774 г. выпустил вторую книгу (Steinberg, 1774)¹⁸, речь в которой идет о морали, географии и истории. В отношении этого издания Штейнберг именуется всего лишь издателем, поскольку авторство принадлежит другим. В предисловии к третьей книге Штейнберг пишет, что данная работа могла бы с полным правом появиться и вовсе без его предисловия, однако автор, который по совместительству является его другом, посчитал, что так книга вызовет больше доверия¹⁹. Штейнберг подчеркивает, что у книги нет задачи превратить юных девушек в школьных философий или подготовить их к ведению ученых диспутов, подобно фройляйн фон Шурман²⁰. Скорее, задача этой книги заключается в том, чтобы продемонстрировать, как правильно излагать свои мысли, выбирать определенные выражения в своих устных или письменных высказываниях, а также уметь обнаруживать ложь, неопределенность и зыбкость суждений в сочинениях других. Он отмечает, что многие женщины хорошо и связно говорят, однако на письме даже небольшая путаница сразу становится заметна — поэтому необходимо преподавать искусство (*Kunst*) мыслить в соответствии с правилами.

Структура работы. Хотя сочинение Атце именуется «кратким учением разума», оно освещает все основные тематические разделы логических сочинений. Помимо введения в нем имеется восемь глав: о логике, или учении разума вообще; о понятиях, или идеях; о суждениях и предложениях; об умозаключениях; об истине и ее противоположности; о достоверности; о вероятности; а также о вспомогательных средствах, которые позволяют улучшить рассудок и поддержать познание истины (к таким средствам относятся наблюдение, чтение полезных книг, разговоры с другими людьми).

¹⁸ См. также рецензию: (Anonymus, 1775). Рецензент по всей видимости тот же, что и у первой книги. Он рекомендует улучшить форму подачи и сделать ее более приятной, больше заботиться о том, чтобы представленные мысли были интересны; предлагает избегать иностранных слов, а также обращений к родственникам — многие, конечно, используют слова «Рара» и «Мама», но среди людей благородного происхождения приличнее говорить «Vater» и «Mutter».

¹⁹ См. также рецензию: (Anonymus, 1782b).

²⁰ Анна Мария фон Шурман, или же ван Схурман (1607–1678) родилась в Кёльне, в шестилетнем возрасте переехала с семьей в Утрехт, а в 1636 г. стала первой женщиной, поступившей в университет. Подробнее о ее жизни см.: (Burgerth, 1841, S. 682; Spang, 2009; Beek, 2010).

geography and history (Steinberg, 1774).³³ Steinberg refers to himself as merely the publisher of this book because the authorship belonged to others. In a preface to the third book Steinberg writes that this work might well have been published without his preface, but the author, who also happens to be his friend, thought that the book would command more trust that way.³⁴ Steinberg stresses that the book does not purport to turn young girls into scholastic philosophers or to prepare them for scientific disputes like Ms von Schürmann.³⁵ Rather, the task of this book is to demonstrate how to express one's thoughts correctly, choose certain expressions in oral and written speech and how to be able to detect falsehood, uncertainty and vagueness in the writings of others. He notes that many women talk well and glibly, but in writing the slightest confusion leaps out at you; therefore it is necessary to teach the art (*Kunst*) of thinking according to rules.

Structure of the work. Although Atze calls his work “A Brief Teaching of Reason...” it covers all the main sections of logic manuals. In addition to the introduction it has eight chapters: on logic or the teaching of reason in general; on concepts or ideas; on judgments and propositions; on conclusions; on the truth and its opposite; on authenticity; on probability; further auxiliary means that improve the understanding and support the cognition of the truth (such means include observation, the reading of useful books, conversations with other people).

In the introduction Atze adduces arguments to prove that women must study logic. He notes that the female sex, like the male, “has been endowed by the blessed Creator with reason, an outstanding privilege compared to animals, and is obliged to act reasonably”,³⁶ besides “our natural imperfection in general dictates the need for improvement”³⁷

³³ See also the review (Anon., 1775). The reviewer seems to be the same as that of the first book. He recommends improving the delivery to make it more pleasurable and to present more interesting ideas; he proposes avoiding foreign words as well as addresses to relatives — many, of course, use the words “Papa” and “Mama”, but it's better to use “Vater” and “Mutter” among people of noble origin.

³⁴ See also the review (Anon., 1782b).

³⁵ Anna Maria von Schürmann, or van Schu(ur)man (1607–1678) was born in Cologne, moved to Utrecht with her family at the age of six and in 1636 became the first woman to be admitted to a university. For more on her life see Burgerth (1841, p. 682), Spang (2009), Beek (2010).

³⁶ “[...] mit Vernunft, als dem erhabenen Vorrechte vor den Thieren, von dem gütigen Schöpfer begabt worden, und zu einem vernünftigen Betragen verbunden ist.”

³⁷ “[...] unsere natürliche Unvollkommenheit überhaupt [macht] schon unsere Verbesserung nothwendig.”

Во введении Атце приводит аргументы в пользу того, что женщинам необходимо изучать логику. Он отмечает, что женский пол так же, как и мужской, «одарен благим творцом разумом, выдающейся привилегией в сравнении с животными, и склонен к разумному образу действий», к тому же «наше естественное несовершенство вообще делает наше улучшение необходимым» (здесь автор использует аналогию с упражнением и усовершенствованием тела, которую можно считать отсылкой к Вольфу). Соответственно, долг «тренировать свой разум и улучшать свой рассудок всеми возможными способами» (Atze, 1778, S. 7–8) имеет силу для всех людей вне зависимости от пола. Не только «общий долг, преимущества общества, а также естественное отношение женщины с ее семьей и другими людьми делают необходимым развитие ее рассудка» (Atze, 1778, S. 10), но даже религия требует правильного использования разума. «Ежели женщина и прелестна, и хорошо сложена, но при этом ограничена и неразумна, то она походит на прелестную куклу, которая годится лишь для игры. Напротив, просвещенный рассудок делает даже женщину, которой не хватает телесной красоты, достойной любви и уважения» (Atze, 1778, S. 9), — считает Атце. Автор отмечает, что логика сама по себе (an sich) — несколько сухая наука, однако он постарается, как это ранее уже провозглашал Томазий, сделать ее приятной и доходчивой, излагая лишь употребимое и полезное и опуская терминологию и прочие тонкости, обязательные для тех, кто занимается наукой по профессии, но излишние для женщин. Можно отметить, что автор также не обходит стороной различие естественной и искусственной логики, ведет речь об улучшении разума и при этом не свободен от определенной непоследовательности при использовании терминов «разум» и «рассудок».

В 1781 г., спустя тридцать лет после появления «Очерка естественной истории и учения о природе как таковой для женщины» фрау Унцер, Атце опубликовал свое «Учение о природе для женщин» (Atze, 1781)²¹, которое было переиздано в 1785 г. в Вене. Примечательно, что изложенные во введении ко второму изданию аргументы в пользу того, почему женщинам необходимо изучать физику, практически ничем не отличаются от тех, что обосновывали необходимость изучения логики. Во-первых, изучение физики, т.е. внимательное

(the author cites an analogy with the exercise and improvement of the body, which arguably harks back to Wolff). Accordingly, the duty to “train one’s reason and improve one’s mind in every way possible”³⁸ (Atze, 1778, pp. 7-8) is valid for all people regardless of their sex. Not only “common duty, the advantages of society, but also the natural relationship of the woman with her family and other people make it necessary for her to develop her understanding”³⁹ (Atze, 1778, p. 10), but even religion requires proper use of reason. “Even if a woman is pretty and well built, but is naive and unreasonable, she is like a pretty doll fit only for play. On the contrary, an enlightened understanding makes even a woman of little physical beauty worthy of love and respect”⁴⁰ (Atze, 1778, p. 9), Atze believes. The author notes that logic in itself (an sich) is a somewhat dry science but he would try, as Thomasius declared earlier, to make it pleasant and succinct, presenting only what is commonly used and useful and omitting terminology and other niceties that are necessary for those for whom science is their profession but are unnecessary for women. It should be noted that the author does not sidestep the difference between natural and artificial logic, urges the need to improve the reason but is somewhat inconsistent in the use of the terms “reason” and “understanding”.

In 1781, thirty years after the publication of *Grundriß einer Natürlichen Historie und eigentlichen Naturlehre für das Frauenzimmer* by Mrs Unzer, Atze published his *Naturlehre für Frauenzimmer* (Atze, 1781),⁴¹ which was published again in Vienna in 1785. It has to be noted that the arguments in favour of the need for women to study physics set forth in the introduction to the second edition are practically the same as those used to urge the need to study logic. First, the study of physics, i. e. the attentive observation of what has been created, makes it possible to use human reason (i. e. the divine gift that makes man superior to animals), to admire the wisdom and kindness of God and to cognise his invis-

³⁸ “[...] die Pflicht für alle Menschen, ihre Vernunft auszubilden, und ihren Verstand auf alle mögliche Weise zu verbessern.”

³⁹ “[...] die allgemeinen Pflichten und die Vortheile der Gesellschaft, wie auch das natürliche Verhältnis, in welchem auch Frauenzimmer gegen ihre Familie und andere Menschen stehen, nothwendig, ihren Verstand auszubilden.”

⁴⁰ “Ein Frauenzimmer sei also noch so schön und wohlgebildet, und sie sei dabei einfältig und unvernünftig: so gleicht sie einer schönen Puppe, die nur zum Spielen taugt. Hingegen macht ein aufgeklärter Verstand auch Frauenzimmer, denen körperliche Schönheit mangelt, lebenswürdig und schätzbar.”

⁴¹ See also the review (Anon., 1782a).

²¹ См. также рецензию: (Anonymus, 1782a).

рассмотрение созданного Творцом, позволяет при- менять человеческий разум (т.е. божественный дар, возвышающий человека над животными), восхищаться мудростью и добротой Бога, познавать его незримую сущность и силу. Во-вторых, понимание природных процессов позволяет иначе относиться к тому, что обычно человек может считать неприятным (например, некоторые времена года). В-третьих, изучение природы полезно в силу того, что она имеет большое влияние на жизнь человека. Наконец, познания в физики также полезны для об- хождения в обществе — они помогают начать разго- вор, а также длить его на протяжении долгих часов. Таким образом, изучение физики является обязан- ностью любого человека и приносит как пользу, так и удовольствие.

5. «Надежное средство для девушек, чтобы стать достойными женщинами»

Примечательно название работы, изданной ано- нимно в издательстве Герольда в Вене на 12 печат- ных листах,— «Надежное средство для девушек, чтобы стать достойными женщинами» (Anonymus, 1780c). Поиски позволили установить, что един- ственный экземпляр этого сочинения находится в библиотеке Базельского университета. Малодо- ступность издания вынуждает судить о нем исклю- чительно на основании рецензии, опубликованной в одном из томов «Всеобщей немецкой библиотеки» за 1785 г.: «Эти страницы представляют содержание двоякого плана. Во-первых, общие правила благо- разумия для замужних и незамужних лиц женского пола. Во-вторых, учение разума для женщины. Пер- вые хорошо задуманы и добротой исполнены. Вто- рое — ясное и приятное. Тщательное прочтение мо- жет быть полезно женщинам, еще полезнее, однако, будет следование предписаниям» (Anonymus, 1785).

6. «Малая логика, или Учение о применении разума»

Фридрих Эберхард Рохов (1734—1805) известен как педагог и один из реформаторов народных школ. Он был дружен с другим известным педа- гогом того времени И.Б. Базедовом, вел переписку с министром просвещения Пруссии бароном К.А. фон Цедлицем. В молодости Рохов, сын прус- ского министра обороны, принимал участие в Се- милетней войне, однако из-за ранения был вы- нужден оставить службу. После этого он поселил-

ible essence and power. Second, the understanding of natural processes prompts a different attitude to what people generally consider to be unpleasant (for example, some seasons of the year). Third, the study of nature is useful because nature has a great impact on human life. Finally, the knowledge of physics is also useful in society because it helps to strike up a conversation and sustain it for long hours. Thus, the study of physics is the duty of every man, which is both useful and pleasurable.

5. *A Sure Means for Girls to Become Worthy Women*

The 12-sheet work published anonymously by Herold in Vienna has a remarkable title: *Sicheres Remedium für Mädchen um sich zur würdigen Frauen zu bilden* (Anon., 1780c). Research has established that the only available copy of this work is at the Basel University Library. Because of this we can judge about it only on the basis of the review published in a volume of the “*Allgemeine Deutsche Bibliothek*” for 1785: “These pages present content of two kinds. First, the general rules of reasonable behaviour for married and unmarried women. Second, the teaching of reason for the woman. The former are well conceived and accurately formulated. The latter are clear and pleasant. Attentive reading can benefit women, and it would be still better if the women followed the prescriptions”⁴² (Anon., 1785).

6. *Little Logic, or the Teaching on the Use of Reason*

Friedrich Eberhard von Rochow (1734-1805) is known as a pedagogue and a reformer of elementary schools. He was a friend of another prominent pedagogue of the time, Johann Bernhard Basedow, and corresponded with the Prussian Education Minister, Karl Abraham Freiherr von Zedlitz. In his youth Rochow, the son of a Prussian Defence Minister, took part in the Seven Years’ War, but had to re- sign from military service because he was wounded. He settled down on the family estate near Potsdam,

⁴² “Diese Blätter enthalten zweierlei. Erstlich, allgemeine Klugheitsregeln für verehlichte und unverehlichte Personen des andern Geschlechtes. Zweitens, eine Vernunftlehre fürs Frauenzimmer. Die erstern sind wohlgemeint und gut gesetzt. Die letztere ist deutlich und angenehm. Eine sorgfältige Durchlesung dieser Blätter kann dem Frauenzimmer nützlich, noch nützlicher aber die Beobachtung der Vorschriften sein.”

ся в семейном имении недалеко от Потсдама, которое стремился обустроить в соответствии со своими социальными, экономическими и педагогическими идеалами²². Рохов учредил несколько учебных заведений и опубликовал ряд сочинений педагогической тематики²³, в которых проповедовал филантропию и стремился преодолеть пропасть между детской книгой для чтения и Библией (т.е. между светским и духовным образованием детей). Исследователи отмечают также, что Рохов стремился найти срединный путь между эвдемоническим и кантианским подходом в вопросах морального образования, в целом занимал скептическую позицию в отношении сугубо теоретического познания и подчеркивал значимость чувственного опыта. В одной из работ, посвященных преподаванию в школе, которая была издана в том же году, что и рассматриваемое сочинение по логике, Рохов прямо пишет: «Логика, или учение разума, — не философское искусство мыслить, а практическая логика здравого человеческого рассудка, которая не настолько обширна и не настолько запутанна как то [искусство]» (Rochow, 1962, S. 32).

Структура работы. Сочинение по логике, опубликованное Роховом в 1789 г. в Брауншвайге в издательстве школьного книжного магазина, представляет собой очень вольный перевод с французского (указан лишь инициал автора оригинального сочинения — господин д'Э...), изложенный в форме письма к даме (Rochow, 1789). В силу того, что в конце работы Рохов подписывается и ставит дату, будем считать его как минимум полноценным соавтором данной работы. С точки зрения содержания нельзя сказать, что она имеет выраженный педагогический уклон, однако если оценивать ее с точки зрения способа преподнесения материала, то этого нельзя отрицать — работу отличает максимальное соответствие содержания поставленной задаче. Одночастное сочинение кратко и доходчиво излагает основные положения логики, используя большое количество примеров и заданий и не задействуя более широкий контекст метафизики, что имело место во всех рассмотренных выше сочинениях.

²² Подробнее о Рохове см.: (Tosch, 2016).

²³ Наиболее известные и влиятельные сочинения: «Опыт учебника для детей сельских жителей или для использования в деревенских школах» (Rochow, 1772) и «Детский друг. Книга для использования в сельских школах» (Rochow, 1776). Последнее не только многократно переиздавалось в Германии, но также было переведено на русский язык (Рохов, 1797).

trying to run it in accordance with his social, economic and pedagogical ideals.⁴³ Rochow founded several schools and published a number of works on pedagogical themes,⁴⁴ preaching philanthropy and seeking to bridge the gap between the children's reading-book and the Bible (i. e. between secular and religious education of children). Scholars also note that Rochow tried to find a middle path between eudemonic and Kantian approaches to moral education, was generally skeptical with regard to strictly theoretical knowledge and stressed the significance of sense experience. In one of his works devoted to school-teaching, published in the same year as the work on logic, Rochow writes: "Logic, or the teaching of reason, is not the philosophical art of thinking, but the practical logic of human common sense which is not so vast and not so convoluted as the other [art]"⁴⁵ (Rochow, 1962, p. 32).

The structure of the work. The work on logic published by Rochow in 1789 in Braunschweig at a school bookshop is a loose translation from the French (only the initial of the original work's author is indicated: Mr d'E...), addressed in the form of a letter to a lady (Rochow, 1789). Because at the end of the work Rochow affixes his signature and puts a date let us assume that he is at least a full-fledged co-author of this work. Content-wise, it cannot be said to have a pronounced pedagogical tilt. However, if one looks at the way the material is presented it cannot be denied: the work is notable for fulfilling the task set. The one-part work sets forth in a short and clear manner the main provisions of logic using copious examples and assignments and not bringing in the broad context of metaphysics, which was a feature of all the works discussed above.

From the very first pages of his letter Rochow formulates his task in the Thomasian style: to provide the addressee who has read many other logical compendiums with a more simple and understandable logic, combining as far as possible brevity and completeness, simplicity and dignity. From his point of view other works had been not very enlightening

⁴³ On Rochow see Tosch (2016).

⁴⁴ The best-known and most influential works: *Versuch eines Schulbuchs für Kinder der Landleute oder zum Gebrauche in Dorfschulen* (Rochow, 1772) and *Der Kinderfreund: ein Lesebuch zum Gebrauch in Landschulen* (Rochow, 1776). The latter was not only published in many editions in Germany, but has been translated into Russian (Rochow, 1797).

⁴⁵ "Logik oder Vernunftlehre, nicht die philosophische Kunst zu denken, sondern die praktische Logik des gesunden Menschenverstandes, die weder so weitläufig noch so verkettet ist als jene."

Уже на первых страницах письма Рохов формулирует свою задачу в стиле Томазия: снабдить даму-адресата, которая прочла много других логических компендиумов, более простой и доходчивой логикой, соединив по мере сил краткость и полноту, простоту и достоинство. С его точки зрения, другие работы мало что смогли прояснить в силу «школьного варварского стиля, в котором они написаны: излишнего множества правил, сухости и плохого выбора сравнений, наконец хлама напрасных второстепенностей метафизики, которыми обычно, словно панье, набивают логику, чтобы из нее получился том потолка» (Rochow, 1789, S. 3–4). По мнению Рохова, логика не должна утомлять (галантный человек в принципе стремится не докучать), она должна содержать небольшое количество правил и примеры, которые могли бы быть применимы без промедления — все это в очередной раз подтверждает томазианское влияние. Примеры, близкие, с точки зрения Рохова, женщинам, отсылают, скажем, к уборке или воспитанию детей.

Примечательно, что, подобно Филиппине Книгге, Рохов жалуется на бедность немецкого языка в сравнении с французским и нехватку определенных терминов. В немецком нет соответствующего слова для *raisonner*, и Рохов саркастически замечает, что во времена короля Фридриха Вильгельма I главным императивом было не резонировать, т.е. не рассуждать²⁴. Рохов полагает, что раз есть слово *vernünfteln* (умничать), пусть будет и слово *vernunften* с противоположной положительной коннотацией. Еще один любопытный момент, связанный, по всей видимости, вновь с особенностями перевода, касается понятий «разум» и «рассудок». Рохов определяет логику как учение или указание (*Lehre oder Anweisung*), каким образом применять полученную от Бога человеческую способность разума и тем самым возвысить ее до рассудка. Стать рассудочным (*verständlich*) — такова всеобщая обязанность любого человека, ибо ни при каких обстоятельствах нельзя помыслить, чтобы безрассудство (*Unverstand*) было лучше и полезнее, чем рассудок (Rochow, 1789, S. 4).

²⁴ Примечательно, что всего лишь через пять лет Кант в своей знаменитой статье «Ответ на вопрос: что такое Просвещение» со слов Э.Ф. Кляйна (Тетенс, 2013, с. 174) припишет уже сыну Фридриха Вильгельма I — Фридриху Великому — следующие слова: «Рассуждайте (*räsonniert*) сколько угодно и о чем угодно, только повинуйтесь!» (AA 08, S. 41; Кант, 1994, с. 145).

because of the “barbaric school style which they use: an excess of rules, dryness and poor choice of comparisons and finally, the rubbish of futile secondary metaphysical trifles with which one fills out the books on logic as with padding to produce a thicker volume”⁴⁶ (Rochow, 1789, pp. 3-4). In Rochow’s opinion, logic should not be tiring (a gallant person in principle tries not to be boring). It must contain a small number of rules and examples that could be applied instantly — all this is further proof of Thomasian influence. The examples that Rochow considers to be closer to women refer, for example, to cleaning up or bringing up of children.

It is notable that like Philippine Knigge, Rochow complains about the poverty of the German language by comparison with French and the lack of certain terms. The German language does not have an equivalent for “*raisonner*”, and Rochow notes sarcastically that during the time of Friedrich Wilhelm I the imperative was “avoid reasoning”, i.e. “no arguing!”⁴⁷ Rochow suggests that if there exists the word *vernünfteln* (to palter with reason), there should be the word *vernunften* with the opposite (positive) connotation. Another interesting point, also apparently connected with translation matters, has to do with the concepts of “reason” and “understanding”. Rochow defines logic as a teaching or instruction (*Lehre oder Anweisung*) on how to use the God-given human faculty of reason (*Vernunft*) to elevate it to the status of understanding (*Verstand*). To achieve competence in understanding (*verständlich*) is the universal duty of any person because one cannot think of any situations when incompetence in understanding (*Unverstand*) would be better and more useful than understanding (*Verstand*) (Rochow, 1789, p. 4).

The task of logic as a science is “through the teaching on language (*Sprachlehre*) to develop the human spirit to enable it not just to think right, but precisely to capture the truth or falsehood of a sentence heard or read and to discern how a sentence

⁴⁶ “[...] *der schulgerechte barbarische Stil, worin sie geschrieben sind, — die unnötige Vielheit der Regeln — die Trockenheit und schlechte Wahl der Gleichnisse — endlich der Wust eitler Nebensachen von Metaphisik, womit man, gleich Poschen und Buffanten, die Logiken gewöhnlich ausstopft, damit ein wohlbelebter Band daraus werden.*”

⁴⁷ It is noteworthy that just five years later Kant in his famous article “An Answer to the Question: ‘What is Enlightenment?’” citing Ernst Ferdinand Klein would ascribe to the son of Friedrich Wilhelm I, Friedrich the Great, the following words: “Argue as much as you like and about whatever you like, but obey!” (WA, AA 08, S. 41; Kant, 1991, p. 59); cf. Hinske, 1990, p. L).

Задача логики как науки — «посредством учения о языке (Sprachlehre) развить человеческий дух, чтобы он не просто сам по себе правильно мыслил, но также с точностью схватывал истинность или ложность услышанного или увиденного языкового предложения, мог усмотреть отношения, в котором оно находится с другими предложениями, и следствия из этого» (Rochow, 1789, S. 6). Языковое предложение есть не что иное как суждение, или пропозиция.

Основная часть сочинения посвящена рассмотрению суждений (их структуры и видов) и умозаключений. Рохов подчеркивает, что вся логика, в сущности, состоит из изложения и разъяснения правил проверки истинности умозаключений. Он приводит множество примеров, чтобы показать, как делать правильные умозаключения, продемонстрировать различные силлогизмы и софизмы, а также предлагает некоторое количество упражнений. Совершенно необходимым элементом в изучении логики является следование методу: «Метод заключается в том, чтобы человек научился правильно воспринимать и определять вопрос, положение или проблему, а где нужно исправлять и, наконец, со всей точностью и простотой формулировать их или разрешать» (Rochow, 1789, S. 21). Основной педагогический и гуманистический пафос сочинения таков: изучение логики людьми различного пола и положения ведет к тому, что каждый человек будет понятен и сможет легко понять другого, в результате чего препирательства и недопонимания не будут мешать удовольствию жизни.

7. Итоги

Мы рассмотрели шесть логических сочинений для женщин, опубликованных в Германии во второй половине XVIII в. Два из них принадлежат перу женщин — впрочем, с определенными оговорками, поскольку эти работы представляют собой записи того, что излагал супруг фрау Унзер или отец фройляйн Книгге. В целом эти сочинения (как и учебники по физике для женщин) представляют собой одно из многочисленных ответвлений популярной философии. Они демонстрируют все основные принципы этого направления: во главу угла ставятся доступность изложения, для чего часто используется диалогическая или эпистолярная форма, и практическая ориентированность (минимизация теоретических сведений, относящихся к метафизике, стремление использовать близкие и по-

relates to other sentences, and the consequences thereof”⁴⁸ (Rochow, 1789, p. 6). A language sentence is essentially a judgment or a proposition.

The main part of the work is devoted to the structure and types of judgments and to conclusions. Rochow stresses that logic essentially consists in presenting and explaining the rules for verifying the validity of conclusions. He cites copious examples to show how to draw the right conclusions, demonstrates various syllogisms and sophisms and offers some exercises. An indispensable element in the study of logic is following the method: “The method consists in a person learning to correctly perceive and formulate the question, proposition or problem, correcting them when necessary and finally, to formulate or resolve them with the utmost precision and simplicity”⁴⁹ (Rochow, 1789, p. 21). The main pedagogical and humanistic message of the work is that the study of logic by people of different sexes and status results in every person being understood and being able to easily understand another person as a result of which altercations and misunderstandings would not mar the pleasure of life.

7. Conclusions

We have examined six logical works for women published in German in the second half of the eighteenth century. Two of them have been written by women — albeit with some reservations because these works are records of what the husband of Mrs Unzer and the father of Ms Knigge told them. On the whole, these works (like physics textbooks for women) represent one of the numerous branches of popular philosophy. They reveal all the features of this trend: priority is given to simplicity of presentation, often achieved through dialogic or epistolary forms, and practical orientation (minimum of theoretical information pertaining to metaphysics, the use of familiar and understandable examples). The material is presented eclectically, with provi-

⁴⁸ “[...] durch Sprachlehre den menschlichen Geist dazu zu bilden, daß er nicht allein selbst richtig denkt, sondern auch mit Sicherheit, das Wahre oder Falsche eines gehörten oder gesehenen Sprachsatzes fassen, die Verhältnisse, die er zu andern Sätzen hat, und die Folgerungen daraus, bemerken könne.”

⁴⁹ “Die Methode besteht darin, daß man eine Frage, einen Satz oder eine Aufgabe recht fassen und bestimmen, ja wo es nötig, berichtigen, und nun mit aller Genauigkeit und Einfachheit ausdrücken oder auflösen lernt.”

нятные примеры). Изложение материала эклектично: положения из работ наиболее значимых мыслителей смешиваются и включаются во вновь созданную систему, легкую для восприятия.

Особенно стоит отметить широкое использование жанра диалога. Именно он воспринимается как альтернатива сухому школьному изложению и, очевидно, кажется современникам столь естественным, что возникали даже некоторые казусы. Атце во введении к «Краткому учению разума для женщин» приводит в качестве примера два женских образа: божественно красивая Пульхерия при этом столь ограничена, что едва знает, когда отвечать «да», а когда — «нет», и это практически единственное, что она произносит в обществе; София, напротив, заурядна, ее лицо обезображено оспинами, однако ее высоко ценят и стремятся оказаться в ее обществе. В 1780 г. во «Всеобщей немецкой библиотеке» («Allgemeine deutsche Bibliothek») вышла рецензия, автор которой критикует изобилие школьной терминологии при изложении материала. С его точки зрения, автору учебника по логике для женщин следует «забыть логический школьный язык» и больше использовать афоризмы и такие примеры, в которых речь идет о женщинах и понятных им материях (Anonymus, 1780b, S. 2070)²⁵.

Данный жанр — сочинения, написанные в форме писем или диалогов, в особенности если они предназначаются женской аудитории, — не терял свою актуальность вплоть до середины XIX в.²⁶ и до сих пор в библиотечных системах такие работы каталогизируют как *Frauenliteratur*.

Создается впечатление, что в логике для женщин нет ничего особенного — кажется, что это, как сказали бы сегодня, «маркетинговый ход» авторов, являвшихся адептами популярной философии и стремившихся расширить аудиторию своих читателей, а также издателей, стремившихся заполучить еще один сегмент покупателей своей продукции. Содержание этих работ так или иначе воспроизводит известные трактаты выдающихся философов, отличие составляет лишь стремление к приятной форме изложения, что зачастую вызывает поверхностные трактовки. В целом популярная философия воплощает идеалы Просвещения: любой человек, вне зависимости от его происхождения и пола, должен стремиться использовать свой раз-

sions from the works of the most important thinkers mixed and woven into a newly created easy-to-understand system.

Special mention should be made of the extensive use of the genre dialogue. It was thought to provide an alternative to the dry school discourse and appeared to be so natural to contemporaries as to result in some embarrassing situations. For example, Atze in an introduction to his *Kurze Vernunftlehre für Frauenzimmer* cites an example of two women: the divinely beautiful Pulcheria who is so simple-minded that she hardly knows when to say “yes” and when to say “no”, these being the only words she utters in society; Sophia, on the contrary, is plain-looking with smallpox marks on her face, but she is highly valued and her company is sought. In 1780 the “*Allgemeine Deutsche Bibliothek*” issued a review whose author criticises the surfeit of school terminology in the presentation of the material. He believes that the author of a logic textbook for women should “forget the logical school language” and use more aphorisms and cite examples telling of women and matters that women understand (Anon., 1780b, p. 2070).⁵⁰

This genre — works in the form of letters or dialogues — especially if they target a female audience — was popular until the middle of the nineteenth century.⁵¹ The library systems are still cataloguing such works as “*Frauenliteratur*”.

One gets the impression that there is nothing special in logic for women; it appears to be what today would be called the “marketing gimmick” of the authors who are adepts of popular philosophy, seeking to garner more readers, and of the publishers who are out to seize another segment of buyers of their products. These works in one way or another reproduce well-known treatises of outstanding philosophers, except that the presentation form is pleasurable, which often results in superficial explanations. On the whole, popular philosophy embodies the ideals of Enlightenment: any person, regardless of social background and sex, should seek to use his/her reason; the study of sciences is useful as well as pleasant and is in harmony with the mission of human nature. Studying logic, the woman broadens her horizon, now her knowledge is not confined to what is said in the Holy Scriptures.

²⁵ Судя по всему, рецензент третьей части учебника не тот, что был у первых двух.

²⁶ Ср., например: (Schiller, 1803; Mager, 1837).

⁵⁰ The signs are that the third part of the textbook had a different reviewer than the first two.

⁵¹ Cf. Schiller (1803), Mager (1837).

ум; изучение наук несет не только пользу, но и удовольствие, представляет собой следование предназначению человеческой природы. Изучая логику, женщина также расширяет свой горизонт, теперь ее знания не ограничиваются тем, что изложено в Священном Писании.

Тем не менее ощущение, что логика для женщин является некой банальностью и обыденностью, обманчиво. Положение подобных сочинений предстает в совершенно ином свете, если мы обратимся, например, к одной из рецензий на работу Атце или к предисловию Крюгера, написанному к работе его племянницы. Крюгер признается: он стремился издать логику для женщин, чтобы восстановить справедливость — ведь ему хорошо известна «тирания, с которой мужской пол оспаривал» то, что души женщин «столь же предрасположены мыслить философски и остроумно» (Unzer, 1751b, [Vorrede] S. b^r), сколь и мужские. Однако его стремление заслуженно может быть оценено как «очень несвоевременное»: женщины будут считать избыточным необходимость разбираться в таких деталях для того, чтобы обрести некие преимущества, а мужчины воспримут данную работу как объявление войны и постараются устранить для женщин все возможности совершенствовать рассудок. «Подумают, что я ненавижу собственный пол, что я хочу перевернуть мир и вызвать распад привычной сути вещей» (Unzer, 1751b, [Vorrede] S. b), — ведь теперь девушек можно будет рассматривать в качестве новых студенток, которые могут стать пасторами, адвокатами или врачами, и женщины смогут добиться участия в общественной жизни. Все это станет большим несчастьем для мужчин, пишет Крюгер, и добавляет: «Если бы я был достаточно проникновен и подумал об этом раньше... возможно, я бы постарался скорее положить эту рукопись под сукно, нежели сделать ее более известной» (Ibid.). В итоге Крюгер существенно снижает пафос стоящей перед ним как перед издателем задачи. Он говорит о том, что женщине все-таки стоит скорее изучать собственное сердце, а не онтологию, но уж «если она снабжает государство детьми», то, конечно, для их воспитания ей пригодится сочетание добродетели и ума, посему изучение наук не является для нее напрасным. Крюгер резюмирует следующим образом: от своих читательниц он не требует ничего, кроме благодарности, которую они могли бы высказать садовнику, вручившему им цветок, примечательный своей редкостью, хоть

However, the sense that logic for women is something banal and workaday is misleading. The status of such works appears in a totally different light if we read, for example, a review of the work of Atze or the preface written by Krüger to the work of his niece. Krüger admits that he wanted to write a logic book for women to redress an injustice; he was well aware of the “tyranny with which the male sex challenged” the idea that the souls of women are “just as gifted in thinking philosophically and wittily”⁵² (Unzer, 1751b, [Preface] p. b^r) as those of men. However, his motive can well be described as “very untimely”; women would consider it superfluous to grasp such details to gain certain advantages and men would see this work as a declaration of war and would try to deny women any chance of enhancing their understanding. “They would think that I hate my gender, that I want to overturn the world and bring chaos to the habitual order of things”⁵³ (Unzer, 1751b, [Preface] p. b), — now girls could be seen as new students who would become pastors, lawyers and doctors, and women would seek to participate in social life. All this would be a great misfortune for men, writes Krüger, adding, “Had I been more insightful and thought about it in advance [...], perhaps I would have hastened to suppress the manuscript rather than seek to promote it”⁵⁴ (ibid.). As a result, Krüger downgrades the task facing him as a publisher. He says that a woman would probably do well to study her own heart and not ontology, but inasmuch as “she provides children for the state”⁵⁵ she will certainly need a combination of virtue and intelligence to educate them and therefore the study of sciences is not futile for her. Krüger draws this conclusion: he expects nothing more from his female readers than the thanks they would express to a gardener who presents them with a flower noted for its rarity though not matching other known flowers in terms of colour, scent, and charm (Unzer, 1751b, [Preface] p. b3). It has to be added that on the whole Krüger correctly assessed the reaction of men to his niece’s work. An article about Mrs Unzer, published

⁵² Cf. “[...] *Tirannei mit welcher das männliche Geschlecht ihnen diesen Vorzug streitig machte [...], daß ihre Seelen eben so geschickt wären philosophisch als witzig zu denken.*”

⁵³ “*Man wird glauben, daß ich mein eigen Geschlecht haße, daß ich die Welt umkehren, und eine Zerrüttung in dem gemeinen Wesen hervorbringen will.*”

⁵⁴ “[...] *Hätte ich Scharfsinnigkeit genug gehabt, diese Ueberlegung eher zu machen, [...] so würde ich mich vielleicht bemüht haben, diese Handschrift lieber zu unterdrücken als sie bekannter zu machen.*”

⁵⁵ “[...] *wenn sie den Staat mit Kindern versorgt.*”

и уступающий другим известным цветам с точки зрения аромата, цвета и приятности (Unzer, 1751b, [Vorrede] S. b3). Стоит добавить, что в целом Крюгер вполне корректно оценил реакцию мужского пола на сочинение его племянницы. Если взглянуть на статью про фрау Унцер, опубликованную в «Немецкой биографии» уже в конце XIX в., мы увидим резкую критику, высказываемую ее автором — профессором немецкой филологии Густавом Рёте. Он пишет, что фрау Унцер «охотнее прибегает к хорошему историям из "Spectator" или к стихами из Галлера и Геллerta, которые она использует достаточно смело, нежели к строгим доказательствам»; «греческий и латынь она не знает; метафизику Баумгартена для нее перевел хороший друг; она путает Иксиона и Прометея, а основателя стоического учения она называет просто Стоя», и все это не мешает ей рассуждать о философских системах Платона, Спинозы или Лейбница. Его вердикт неутешителен: «На книге лежит глубокий отпечаток женскости» (Roethe, 1895). При этом господин Рёте почему-то совершенно упускает из виду обстоятельство, которое упоминается как в предисловии Крюгера, так и в предисловии фрау Унцер: Крюгер очень настаивал на публикации, и племяннице, не считавшей себя вправе ставить свое имя на обложку и при этом даже не имевшей возможности спросить совета у находившегося в отъезде мужа, пришлось подчиниться его воле.

Многое проясняет и рецензия на работу Атце, которая вышла в журнале «Всеобщая немецкая библиотека» спустя два года после ее публикации, в 1780 г. Анонимный рецензент отмечает, что «автор пишет для женщин так, будто они были рождены для того, чтобы стать магистрами свободных искусств в наших университетах» (Anonymus, 1780a, S. 508), но «зачем вообще все это девушке, которая никогда не будет ни диспутировать ex cathedra, ни самостоятельно читать лекции по логике?» (Anonymus, 1780a, S. 509). С его точки зрения, никто не усомнится в том, что связь школьной мудрости и практической жизни (в особенности домашней и материнской жизни женского пола) просто притянута за уши. Тем не менее разум у женщин все-таки следует культивировать. Только не школьный, философский разум, а «разум в жизни, разум в отношении истинного предназначения женского пола» (Ibid.). В этом направлении предстоит еще так много сделать, что автор рецензии стремится внести свой посильный вклад:

in *Allgemeine Deutsche Biographie* in the late nineteenth century, is sharply critical. Its author, German philology professor Gustav Roethe, writes that Mrs Unzer "more readily cites nice stories from *The Spectator* or the verses of Haller and Hellert which she uses liberally, than rigorous proofs;"⁵⁶ "she is innocent of Greek and Latin; Baumgarten's metaphysics has been translated for her by a good friend; she confuses Ixion and Prometheus and refers to the founder of the Stoic teaching as simply Stoa,"⁵⁷ which does not prevent her from discussing the philosophical systems of Plato, Spinoza and Leibniz. His verdict is harsh: "The book has a deep imprint of femininity"⁵⁸ (Roethe, 1895). Mr Roethe for some reason ignores the fact mentioned in Krüger's preface and in Mrs Unzer's preface, namely that Krüger strongly insisted on the publication and the niece had to acquiesce, although she did not think she had the right to have her name displayed on the cover and had no chance to ask the advice of her husband who was away at the time.

Some light is shed by the review of Atze's work published two years after its publication in the journal "*Allgemeine deutsche Bibliothek*" in 1780. The anonymous reviewer stresses that "the author writes for women as if they were born to be Liberal Arts Masters at our universities"⁵⁹ (Anon., 1780a, p. 508), but "why should a girl know all this at all if she will never dispute *ex cathedra* or deliver lectures on logic?"⁶⁰ (Anon., 1780a, p. 509). From his point of view the link between school learning and practical life (especially the woman's role as home-maker and mother) is tenuous. Even so, the women's mind should be cultivated. Only, it should be not the school or philosophical reason, but "reason in life, reason in terms of the true mission of the female sex"⁶¹ (*ibid.*). A great deal remains to be done in this area. The author of the review strives to make his contribution:

⁵⁶ "[...] sie greift statt zu strengen Beweisen lieber zu hübschen Geschichten aus dem *Spectator* oder zu Versen Haller's und Gellert's, die sie verwegen genug anwendet."

⁵⁷ "Griechisch und Latein kann sie nicht; Baumgarten's *Metaphysik* hat ihr ein guter Freund übersetzt; den Ixion verwechselt sie mit dem Prometheus, und der Gründer der stoischen Lehre heißt ihr einfach Stoa."

⁵⁸ "Das Buch ist von einer ausgeprägten Frauenzimmerlichkeit."

⁵⁹ "Dieser Verfasser schreibt für Frauenzimmer gerade so, als wenn sie dazu geboren wären, Meister der freier Künste auf unseren Universitäten zu werden."

⁶⁰ "Wozu dies Alles einem Mädchen, welches weder *ex cathedra* disputieren, noch jemals selbst logikalische Collegia lesen soll?"

⁶¹ "[...] die Vernunft im Leben, die Vernunft in Beziehung auf die eigentliche Bestimmung des weiblichen Geschlechtes."

Логика, написанная для этих целей, была бы совершенно иной, нежели представленная; совершенно иной, нежели наши школьные логики. Для того чтобы немного разъяснить мою точку зрения, насколько это можно сделать кратко, я хочу предложить заголовки для разделов подобной женской логики: 1) Цель женского совершенства, или о подлинном предназначении этого пола. 2) Сфера воздействия женского разума в той степени, в какой на нее можно указать исходя из естественного предназначения пола. Этот раздел будет иметь два подраздела: а) Какие истины или какие знания относятся собственно к женскому полу? б) По каким признакам женский рассудок может и должен отличать эти истины от заблуждений? 3) Посредством каких упражнений женский разум должен культивироваться и укрепляться? 4) Каковы те немногие книги, которые следует прочесть женщине? 5) Как следует ей читать эти книги и как использовать прочитанное для своего совершенствования? 6) Практические правила жизни в поговорках. 7) О разумном поведении в браке. 8) О разумном воспитании детей и т.д. [...] То, что другому полу посредством такого обучения будет оказана бесконечно большая услуга, нежели посредством еще столь же большого числа логик привычного склада, не требует, пожалуй, никаких доказательств (Anonymus, 1780a, S. 510).

Подобные размышления демонстрируют, что публикация логических сочинений для женщин во второй половине XVIII в. была поистине революционным ходом. Постулированные еще в работах Томазия и Вольфа положения об универсальности и всеобщей доступности логики как философской дисциплины некоторое время оставались всего лишь декларациями — не было ни женщин-студенток, ни развернутой общественной полемики, касающейся вопросов просвещения женщин. Попытки практической реализации этих деклараций стали появляться в середине XVIII в. В 1751 г. Крюгер, видный преподаватель медицины в Университете Халле, опубликовал одну из первых известных на сегодняшний день немецкоязычных работ по логике для женщин — и сам признал свой жест несвоевременным, хотя к тому его располагало наличие аналогичных сочинений на итальянском и французском языках. Однако даже спустя тридцать лет высказывались суждения, убедительно демонстрировавшие, что в своих визионерских взглядах Томазий и Вольф обогнали реальное развитие Германии более чем на столетие. А учесть

Logic written for these purposes would be entirely different from that under review, totally different from our school logic. To put my viewpoint in a nutshell, I would like to propose some section titles for a woman's logic manual: 1) The goal of woman's perfection, or the true calling of her sex; 2) The sphere of activity of female reason insofar as it can be derived from the natural mission of her sex; That section would have two subsections: a) What truths and what knowledge are relevant to the female sex? b) What are the signs by which the female mind should distinguish these truths from misconceptions? 3) Through what exercises should the female reason be cultivated and strengthened? 4) What are the few books a woman should read? 5) How should she read these books and how should she use what she has read for self-improvement? 6) Practical rules of life in proverbs. 7) On reasonable behaviour in marriage. 8) On reasonable upbringing of children, etc. [...] One need hardly go to any lengths to prove that such learning would render an infinitely greater service to the other sex than any number of the usual books on logic. (Anon., 1780a, p. 510).⁶²

These reflections demonstrate that the publication of logical works for women in the second half of the eighteenth century was a truly revolutionary move. For a while the provisions of Thomasius and Wolff to the effect that logic as a philosophical discipline was universal and commonly accessible were mere declarations; there were no female students, no broad public discussions of the issue of women's enlightenment. Sporadic attempts to put these declarations into practice were first made

⁶² "Eine Logik, in dieser Absicht geschrieben, würde dann etwas ganz anders sein, als die angezeigte; etwas ganz anders, als unsere Schullogiken. Um meine Meynung, so weit es in der Kürze geschehen kann, etwas deutlicher zu machen, will ich einige Ueberschriften von Kapiteln einer solchen Frauenzimmerlogik hersetzen: 1) Ziel der weiblichen Vollkommenheit, oder von der eigentlichen Bestimmung dieses Geschlechts. 2) Wirkungskreis der weiblichen Vernunft, in so fern er aus der natürlichen Bestimmung des Geschlechts angegeben werden kann. Dieses Kapitel würde zwei Unterabtheilungen haben: a) Welche Wahrheiten oder welche Erkenntnisse gehören eigentlich für das weibliche Geschlecht? b) An welchen Kennzeichen kann und soll der weibliche Verstand diese Wahrheiten vom Irrthum unterscheiden? 3) Durch welche Uebungen muss die weibliche Vernunft ausgebildet und gestärkt werden? 4) Welches sind die wenigen Bücher, die ein Frauenzimmer zu lesen hat? 5) Wie muss es dieselben lesen, und wie das Gelesene zu seiner Vervollkommnung anwenden? 6) Praktische Lebensregeln in Sprichwörtern. 7) Vom vernünftigen Betragen im Ehestande. 8) Von vernünftiger Erziehung der Kinder, u. s. w. [...] Daß dem andern Geschlechte durch einen Unterricht dieser Art unendlich mehr bedient sein würde, als durch noch so viel Logiken vom gewöhnlichen Schlage, bedarf wohl keines Beweises."

вая, сколь знакомо для современного российского читателя звучат предложения анонимного рецензента из «Всеобщей немецкой библиотеки» относительно подлинного содержания учебника по логике для женщин, можно заключить, что сочинения Томазия и Вольфа остаются, к определенному сожалению, сверхактуальными и по сей день.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00889а «Кантовские лекции по логике в свете современной теории аргументации и традиции критического мышления».

Список литературы

- Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Соч. на рус. и нем. яз. М.: «Ками», 1994. Т. 1. С. 125–147.
- Книгге А. Ф. Ф. Л. фон. Об обращении с людьми / пер. с нем. Якова Лангена. СПб.: В Медицинской типографии, 1810.
- Круглов А. Н. «Vernunftlehre» и «Logik» в немецкой философии XVIII в. и задачи логики в эпоху Просвещения. Часть I // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 161–174.
- Круглов А. Н. «Vernunftlehre» и «Logik» в немецкой философии XVIII в. и задачи логики в эпоху Просвещения. Часть II // Вопросы философии. 2019. № 3. С. 172–187.
- Рохов Ф. Э. Детский друг. Книга для чтения поселенцам, изданная на русском языке с подражанием г-ну Рокову: в 2 ч. СПб.: Тип. Брункова, 1797.
- Тетенс И. Н. О всеобщей спекулятивной философии / введ., пер. и прим. А. Н. Круглова, предисл. Н. Хинске. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013.
- Харитоновна А. М. Медицинская антропология XVIII в. и становление антропологии как дисциплины // Вопросы философии. 2016а. № 6. С. 96–106.
- Харитоновна А. М. Понимание человеческого тела в немецкоязычной философии XVIII в. // Тема «живого тела» в истории философии: материалы научной конференции (Институт философии РАН, май 2015 г.) / под ред. И. И. Блауберг, А. А. Чикина. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016б. С. 96–105.
- Anonymus. Neufchatel [Rezension] // Wöchentliche gelehrte Nachrichten. Zum Hamburg. unparthenischen Correspondenten. 1759. № 41. [S. 3–4]. [Рец. на кн.: Durand F. J. Aglaé philosophe ou Cours de Philosophie à la portée des Dames. Neufchatel, 1757. 330 p.]
- Anonymus. Vernunftlehre zum bequemen Gebrauche der Damen in Gespräche abgefaßt. Berlin; Stettin; Leipzig: J. H. Rüdiger, 1763.
- Anonymus. [Rezension] // Allgemeine deutsche Bibliothek. 1773. Bd. 19, St. 2. S. 610–612. [Рец. на кн.: Lehrbuch für Frauenzimmer / hrsg. von Ch. G. Steinberg. Breslau; Leipzig: Ch. F. Gutsch, 1772.]
- Anonymus. [Rezension] // Allgemeine deutsche Bibliothek. 1775. Bd. 26, St. 1. S. 587–589. [Рец. на кн.: Lehrbuch für Frauenzimmer / hrsg. von Ch. G. Steinberg. Bd. 2. Breslau; Leipzig: Ch. F. Gutsch, 1774.]

in the mid-eighteenth century. Krüger, an eminent medicine professor at Halle University, published one of the first presently known German-language works on logic for women, only to admit it to be an untimely gesture although the existence of similar works in Italian and French seemed to nudge him in this direction. Yet even thirty years later convincing arguments were presented to show that in their visionary ideas Thomasius and Wolff were more than a hundred years ahead of Germany's actual development. Considering that the proposals of the anonymous reviewer of the "Allgemeine Deutsche Bibliothek" concerning the content of a logic textbook for women have a familiar ring for the Russian reader, one can conclude that the works of Thomasius and Wolff, sadly, are extremely relevant to this day.

The article has been prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, Project № 18-011-00889а "Kant's Lectures on Logic in the Light of Contemporary Argumentation Theory and Critical Thinking Tradition."

References

- Anon., 1759. Neufchatel (Rev.: F. J. Durand, *Aglaé philosophe ou Cours de Philosophie à la portée des Dames*. Neufchatel, 1757, 330 p.). *Wöchentliche gelehrte Nachrichten. Zum Hamburg. unparthenischen Correspondenten*, 41, [pp. 3-4].
- Anon., 1763. *Vernunftlehre zum bequemen Gebrauche der Damen in Gespräche abgefaßt*. Berlin & Stettin & Leipzig: J. H. Rüdiger.
- Anon., 1773. Rev.: C. G. Steinberg, ed. *Lehrbuch für Frauenzimmer* (Breslau und Leipzig: C. F. Gutsch, 1772). *Allgemeine deutsche Bibliothek*, 19(2), pp. 610-612.
- Anon., 1775. Rev.: C. G. Steinberg, ed. *Lehrbuch für Frauenzimmer*, Band 2 (Breslau und Leipzig: C. F. Gutsch, 1774). *Allgemeine deutsche Bibliothek*, 26(1), pp. 587-589.
- Anon., 1780a. Rev.: C. G. Atze. *Kurze Vernunftlehre für Frauenzimmer*. (Mit einer Vorrede von C. G. Steinberg. Breslau: Gutsch, 1778). *Allgemeine deutsche Bibliothek*, 39(2), pp. 507-510.
- Anon., 1780b. Rev.: C. G. Steinberg, ed. *Lehrbuch für Frauenzimmer* (Bd. 3, Abt. 1. Breslau: C. F. Gutsch, 1778). *Allgemeine deutsche Bibliothek. Anhang zu Bd. 25-36*, 4, pp. 2069-2071.
- Anon., 1780c. *Sicheres Remedium für Mädchen um sich zur würdigen Frauen zu bilden*. Wien: Gerold.
- Anon., 1782a. Rev.: C. G. Atze, *Naturlehre für Frauenzimmer* (Breslau und Leipzig: Gutsch, 1781). *Allgemeine deutsche Bibliothek*, 49(1), pp. 157-158.
- Anon., 1782b. Rev.: C. G. Steinberg, ed., *Lehrbuch für Frauenzimmer*. (Bd. 3, Abt. 2. Breslau und Leipzig: C. F. Gutsch, 1781). *Allgemeine deutsche Bibliothek*, 51(2), pp. 540-542.
- Anon., 1785. Rev.: *Sicheres Remedium für Mädchen um sich zur würdigen Frauen zu bilden* (Wien: Gerold, 1780). *Allgemeine deutsche Bibliothek. Anhang zu Bd. 37-52*, 3, pp. 1436-1437.

Anonymus. [Rezenzion] // Allgemeine deutsche Bibliothek. 1780a. Bd. 39, St. 2. S. 507–510. [Рец. на кн.: Atze Ch.G. Kurze Vernunftlehre für Frauenzimmer. Mit einer Vorrede von Ch.G. Steinberg. Breslau : Gutsch, 1778.]

Anonymus. [Rezenzion] // Allgemeine deutsche Bibliothek. Anhang zu Bd. 25–36. 1780b. Abt. 4. S. 2069–2071. [Рец. на кн.: Lehrbuch für Frauenzimmer / hrsg. von Ch.G. Steinberg. Bd. 3, Abt. 1. Breslau : Ch.F. Gutsch, 1778.]

Anonymus. Sicheres Remedium für Mädchen um sich zur würdigen Frauen zu bilden. Wien : Gerold, 1780c.

Anonymus. [Rezenzion] // Allgemeine deutsche Bibliothek. 1782a. Bd. 49, St. 1. S. 157–158. [Рец. на кн.: Atze Ch.G. Naturlehre für Frauenzimmer. Breslau ; Leipzig : Gutsch, 1781.]

Anonymus. [Rezenzion] // Allgemeine deutsche Bibliothek. 1782b. Bd. 51, St. 2. S. 540–542. [Рец. на кн.: Lehrbuch für Frauenzimmer / hrsg. von Ch.G. Steinberg. Bd. 3, Abt. 2. Breslau ; Leipzig : Ch.F. Gutsch, 1781.]

Anonymus. [Rezenzion] // Allgemeine deutsche Bibliothek. Anhang zu Bd. 37–52. 1785. Abt. 3. S. 1436–1437. [Рец. на кн.: Sicheres Remedium für Mädchen um sich zur würdigen Frauen zu bilden. Wien : Gerold, 1780.]

Atze Ch.G. Kurze Vernunftlehre für Frauenzimmer. Mit einer Vorrede von Ch. G. Steinberg. Breslau ; Leipzig : Ch. F. Gutsch, 1778.

Atze Ch.G. Naturlehre für Frauenzimmer. Breslau ; Leipzig : Gutsch, 1781.

Beek P. von. The First Female University Student: A. M. van Schurman. Utrecht : Igitur, 2010.

Burgerth. Einige Worte über die Seelenkräfte des schönen Geschlechts // Der Humorist / hrsg. von M.G. Saphir. 1841. № 162. S. 667; № 164. S. 674; № 165. S. 678–679; № 166. S. 682.

Donnstags Nachrichten von Zürich. 1757. № 31. [S. 4].

Durand F.J. Statistique Élémentaire. Lausanne : Ravelin, 1795–1796.

Grätz M. Knigge als Erzieher in Theorie und Praxis // Zwischen Weltklugheit und Moral. Der Aufklärer Adolph Freiherr Knigge / hrsg. von M. Rector. Göttingen : Wallstein, 1999.

Grätz M. Adolf Freiherr Knigge und seine Tochter Philippine. Briefe und Schriften. Göttingen : Wallstein, 2013.

Griesbach H., Schulz D. Deutsche Sprachlehre für Ausländer. München : Max Hueber, 1976.

Hoffmann P.T. Eine Altonaer Dichterin von Wein, Weib und Gesang: Johanne Charlotte Unzerin // Altonaer Stadtkalender. 1927. №15. S. 31–35.

Knigge A. von. Ueber den Umgang mit Menschen : in 2 Bdn. Hannover : Schmidt, 1788.

Knigge A. Briefe über Erziehung (1784–1785) // Sämtliche Werke : in 24 Bdn / hrsg. von P. Raabe. München : Saur, 1992. Bd. 16. S. 35–67.

Knigge Ph. Lied eines zehnjährigen Mädchens // Magazin für Frauenzimmer / hrsg. von D. Ch. Seybold. 1785. Bd. 1, St. 1. S. 168.

Knigge Ph. Versuch einer Logic für Frauenzimmer. Hannover : Ritscher, 1789.

Atze, C.G., 1778. Kurze Vernunftlehre für Frauenzimmer. Mit einer Vorrede von C. G. Steinberg. Breslau & Leipzig: Gutsch.

Atze, C.G., 1781. Naturlehre für Frauenzimmer. Breslau & Leipzig: Gutsch.

Beek, P. von, 2010. The First Female University Student: A. M. van Schurman. Utrecht: Igitur.

Burgerth, 1841. Einige Worte über die Seelenkräfte des schönen Geschlechts. Der Humorist. Edited by M.G. Saphir, 162, p. 667; 164, p. 674; 165, pp. 678-679; 166, p. 682.

Donnstags Nachrichten von Zürich, 1757, 31, [p. 4].

Durand, F. J., 1795-1796. Statistique Élémentaire. Lausanne: Ravelin.

Grätz, M., 2013. Adolf Freiherr Knigge und seine Tochter Philippine. Briefe und Schriften. Göttingen: Wallstein.

Grätz, M., 1999. Knigge als Erzieher in Theorie und Praxis. In: M. Rector, ed. 1999. Zwischen Weltklugheit und Moral. Der Aufklärer Adolph Freiherr Knigge. Göttingen: Wallstein.

Griesbach, H., Schulz, D., 1976. Deutsche Sprachlehre für Ausländer. München: Hueber.

Hinske, N., 1990. Einleitung. In: N. Hinske, ed. 1990. Was ist Aufklärung? Beiträge aus der Berlinischen Monatsschrift. In Zusammenarbeit mit M. Albrecht ausgewählt, eingeleitet und mit Anmerkungen versehen. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, pp. XII-LXIX.

Hoffmann, P.T., 1927. Eine Altonaer Dichterin von Wein, Weib und Gesang: Johanne Charlotte Unzerin. Altonaer Stadtkalender, 15, pp. 31-35.

Kant, I., 1991. An Answer to the Question: 'What is Enlightenment?' In: I. Kant, 1991. Political Writings. Edited by H. S. Reiss, translated by H. B. Nisbet. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 54-60.

Kharitonova, A. M., 2016. Medical Anthropology in the 18th Century and Development of Anthropology Discipline. Voprosy Filosofii, 6, pp. 96-106.

Kharitonova, A. M., 2016. Understanding the Human Body in the German-speaking Philosophy of the 18th Century. In: Blauberg, I.I., Chickina, A. A., eds. 2016. Tema "zhivogo tela" v istorii filosofii [Theme of the "Living Body" in the History of Philosophy]: Proceedings of the Conference (Institute of Philosophy, RAS, May 2015). Moscow & St. Petersburg: Centr gumanitarnykh initsiativ, pp. 96-105.

Knigge, A., 1992. Briefe über Erziehung (1784-1785). In: A. Knigge, 1992. Sämtliche Werke in 24 Bänden. Edited by P. Raabe. Vol. 16. München: Saur, pp. 35-67.

Knigge, A. von, 1788. Ueber den Umgang mit Menschen. In 2 Volumes. Hannover: Schmidt.

Knigge, A. F. F. L. von, 1810. Ob obraschenii s liud'mi [On Human Relations]. Translated from German [into Russian] by J. Langen. St. Petersburg: In Medical Typography.

Knigge, Ph., 1785. Lied eines zehnjährigen Mädchens. Magazin für Frauenzimmer. Edited by D. C. Seybold, 1(1), p. 168.

Knigge, Ph., 1789. Versuch einer Logic für Frauenzimmer. Hannover: Ritscher.

Krouglov, A.N., 2018. "Vernunftlehre" and "Logic" in German Philosophy of the 18th Century and Logic Issues in the Age of Enlightenment. Part I. Voprosy Filosofii, 9, pp. 161-174.

Lange J. *Medicina mentis, Qua, præmissa Historia mentis medica, seu philosophica, detectaque ac rejecta philomoria, Genuina philosophandi ac litterarum studia tractandi Methodus, tanquam recta ad eruditionem ac sapientiam via ostenditur*, Orphanotropheum. Halae Magdeburgicae : Orphanotropheum, 1718.

Langer T. Johanne Charlotte Unzerin – Die erste deutsche Weltweise // Über die Gelehrsamkeit eines Frauenzimmers. Texte von und über Frauenzimmer von J. Ch. Unzerin, J.G. Krüger, G.F. Meier, J.J. Lange. Halle : Hallescher Verlag, 1996. S. 8–23.

Mager K.W.E. Brief an eine Dame über die Hegelsche Philosophie. Berlin : Morin, 1837.

Monatliche Nachrichten. Zugabe vom Brachmonat und Heumonat. 1756. S. 52.

Monatliche Nachrichten einicher Merkwürdigkeiten, in Zürich gesammelt, und herausgegeben. 1757. № 7. S. 81.

Nübel B. Knigge und seine Tochter Philippine oder Über den Umgang mit Frauenzimmern // Adolph Freiherr Knigge. Neue Studien / hrsg. von H. Zimmermann. Bremen : Edition Temmen, 1998. S. 58–66.

Pozzo R. Kant und das Problem einer Einleitung in die Logik. Ein Beitrag zur Rekonstruktion der historischen Hintergründe von Kants Logik-Kolleg. Frankfurt a/M : Lang, 1988.

Riss W. *Bibliographia Logica*. Hildesheim : Olms, 1965.

Rochow F.E. Versuch eines Schulbuches für Kinder der Landleute oder zum Gebrauche in Dorfschulen. Berlin : Nicolai, 1772.

Rochow F.E. Der Kinderfreund: ein Lesebuch zum Gebrauch in Landschulen. Frankfurt : Eichenberg, 1776.

Rochow F.E. Eine kleine Logik oder Vernunft-Anwendungs-Lehre. Braunschweig : Verlag der Schulbuchhandlung, 1789.

Rochow F.E. *Schriften zur Volksschule* / hrsg. von R. Lochner. Bad Heilbrunn : Klinkhardt, 1962.

Roethe G. Unzer, Johanne Charlotte // *Allgemeine Deutsche Biographie*. 1895. Bd. 39. S. 331–334. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd118763830.html> (дата обращения: 28.05.2019).

Schiller. Philosophie für Damen angenehmen und unterhaltenden Inhalts. Frankfurt a/M : Gebhard und Körber, 1803.

Spang M. Wenn sie ein Mann wäre: Leben und Werk der Anna Maria van Schurmann (1607–1678). Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2009.

Steinberg Ch.G. Lehrbuch für Frauenzimmer. Breslau; Leipzig : Ch.F. Gutsch, 1772.

Steinberg Ch.G. Lehrbuch für Frauenzimmer. Breslau ; Leipzig : Ch.F. Gutsch, 1774. Bd. 2.

Thomasius Ch. Einleitung zu der Vernunft-Lehre, Worinnen durch eine leichte, und allen vernünftigen Menschen, wasserley Standes oder Geschlechts sie seyn, verständliche Manier der Weg gezeigt wird, ohne die Syllogisticâ das wahre, wahrscheinliche und falsche voneinander zu entscheiden, und neue Wahrheiten zu erfinden. Halle : Ch. Salfeld, 1691.

Tosch F. Rochow // *The Bloomsbury Dictionary of Eighteenth-Century German Philosophers* / ed. by H.F. Klemme, M. Kuehn. 3rd ed. L. : Bloomsbury Academic, 2016. P. 633–635.

Krouglov, A.N., 2019. "Vernunftlehre" and "Logic" in German Philosophy of the 18th Century and Logic Issues in the Age of Enlightenment. Part II. *Voprosy Filosofii*, 3, pp. 172-187.

Lange, J., 1718. *Medicina mentis, Qua, præmissa Historia mentis medica, seu philosophica, detectaque ac rejecta philomoria, Genuina philosophandi ac litterarum studia tractandi Methodus, tanquam recta ad eruditionem ac sapientiam via ostenditur*, Orphanotropheum. Halae Magdeburgicae: Orphanotropheum.

Langer, Th., 1996. Johanne Charlotte Unzerin – Die erste deutsche Weltweise. In: Th. Langer, ed. 1996. *Über die Gelehrsamkeit eines Frauenzimmers. Texte von und über Frauenzimmer von J. C. Unzerin, J. G. Krüger, G. F. Meier, J. J. Lange*. Halle: Hallescher Verlag, pp. 8-23.

Mager, K. W. E., 1837. *Brief an eine Dame über die Hegelsche Philosophie*. Berlin: Morin.

Monatliche Nachrichten einicher Merkwürdigkeiten, in Zürich gesammelt, und herausgegeben, 1757, 7, p. 81.

Monatliche Nachrichten. Zugabe vom Brachmonat und Heumonat, 1756, p. 52.

Nübel, B., 1998. Knigge und seine Tochter Philippine oder Über den Umgang mit Frauenzimmern. In: Zimmermann, H., ed. 1998. *Adolph Freiherr Knigge. Neue Studien*. Bremen: Edition Temmen, pp. 58-66.

Pozzo, R., 1988. *Kant und das Problem einer Einleitung in die Logik. Ein Beitrag zur Rekonstruktion der historischen Hintergründe von Kants Logik-Kolleg*. Frankfurt a. M.: Lang.

Riss, W., 1965. *Bibliographia Logica*. Hildesheim: Olms.

Rochow, F. E., 1962. *Schriften zur Volksschule*. Edited by R. Lochner. Bad Heilbrunn: Klinkhardt.

Rochow, F. E., 1772. *Versuch eines Schulbuches für Kinder der Landleute oder zum Gebrauche in Dorfschulen*. Berlin: Nicolai.

Rochow, F. E., 1776. *Der Kinderfreund: ein Lesebuch zum Gebrauch in Landschulen*. Frankfurt: Eichenberg.

Rochow, F. E., 1789. *Eine kleine Logik oder Vernunft-Anwendungs-Lehre*. Braunschweig: Verlag der Schulbuchhandlung.

Rochow, F. E., 1797. *Detskiy drug. Kniga dlya chteniya pose-lyanam, izdannaya na rossijskom yazyke s podrazhaniyem g-nu Rokovu [A Children's Friend. A Book for Reading to the Villagers, Published in Russian and Following Mr. Rokov's Example]*. In 2 parts. St. Petersburg: Broonkov.

Roethe, G., 1895. Unzer, Johanne Charlotte. In: *Allgemeine Deutsche Biographie, Volume 39*, pp. 331-334, [online] Available at: <<https://www.deutsche-biographie.de/pnd118763830.html>> [Accessed 28 May 2019].

Schiller, 1803. *Philosophie für Damen angenehmen und unterhaltenden Inhalts*. Frankfurt a. M.: Gebhard und Körber.

Spang, M., 2009. *Wenn sie ein Mann wäre: Leben und Werk der Anna Maria van Schurmann (1607-1678)*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

Steinberg, C. G., 1772. *Lehrbuch für Frauenzimmer*. Breslau; Leipzig: C. F. Gutsch.

Steinberg, C. G., 1774. *Lehrbuch für Frauenzimmer. Volume 2*. Breslau; Leipzig: C. F. Gutsch.

Thomasius, C., 1691. *Einleitung zu der Vernunft-Lehre, Worinnen durch eine leichte, und allen vernünftigen Menschen, wasserley Standes oder Geschlechts sie seyn, verständliche Manier der Weg gezeigt wird, ohne die Syllogisticâ das wahre, wahrscheinliche und falsche voneinander zu entscheiden, und neue Wahrheiten zu erfinden*. Halle: C. Salfeld.

Tschirnhaus E.W. Medicina mentis sive artis inveniendi praecepta generalia. Lipsiae : Fritsch, 1695.

Unzer J. Ch. Grundriß einer Natürlichen Historie und eigentlichen Naturlehre für das Frauenzimmer. Halle : Hemmerde, 1751a.

Unzer J. Ch. Grundriß einer Weltweißheit für das Frauenzimmer. Halle : Hemmerde, 1751a.

Unzer J. Ch. Grundriß einer Weltweißheit für das Frauenzimmer. Mit Anmerkungen und einer Vorrede begleitet von J.G. Krüger. 2. verbesserte und vermehrte Aufl. Halle : K.H. Hemmerde, 1767.

Walch J.G. Philosophisches Lexicon, darinnen die in allen Theilen der Philosophie, als Logic, Metaphysic, Physic, Pneumatic, Ethic, natürlichen Theologie und Rechts-Gelehrsamkeit, wie auch Politic fürkommenden Materien und Kunst-Wörter erklärt, und aus der Historie erläutert; die Streitigkeiten der ältern und neuern Philosophen erzehlet, die dahin gehörigen Bücher und Schriften angeführet, und alles nach Alphabetischer Ordnung vorgestellt werden, mit nöthigen Registern versehen. Leipzig : Gleditsch, 1726.

Об авторе

Алёна Михайловна Харитонов, кандидат философских наук, преподаватель, кафедра истории зарубежной философии, философский факультет, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Россия.

E-mail: kha.alyona@gmail.com

Для цитирования:

Харитонов А.М. Логические пособия эпохи позднего Просвещения для женщин // Кантовский сборник. 2019. Т. 38, № 3. С. 81–106. doi: 10.5922/0207-6918-2019-3-4

Tosch, F., 2016. Rochow. In: H. Klemme, M. Kuehn, eds. 2016. *The Bloomsbury Dictionary of Eighteenth-Century German Philosophers*. 3rd edition. London: Bloomsbury Academic, pp. 633-635.

Tschirnhaus, E. W., 1695. *Medicina mentis sive artis inveniendi praecepta generalia*. Lipsiae: Fritsch.

Unzer, J. C., 1751a. *Grundriß einer Natürlichen Historie und eigentlichen Naturlehre für das Frauenzimmer*. Halle: Hemmerde.

Unzer, J. C., 1751b. *Grundriß einer Weltweißheit für das Frauenzimmer*. Halle: Hemmerde.

Unzer, J. C., 1767. *Grundriß einer Weltweißheit für das Frauenzimmer*. Mit Anmerkungen und einer Vorrede begleitet von J.G. Krüger. 2. verbesserte und vermehrte Auflage. Halle: Hemmerde.

Walch, J.G., 1726. *Philosophisches Lexicon, darinnen die in allen Theilen der Philosophie, als Logic, Metaphysic, Physic, Pneumatic, Ethic, natürlichen Theologie und Rechts-Gelehrsamkeit, wie auch Politic fürkommenden Materien und Kunst-Wörter erklärt, und aus der Historie erläutert; die Streitigkeiten der ältern und neuern Philosophen erzehlet, die dahin gehörigen Bücher und Schriften angeführet, und alles nach Alphabetischer Ordnung vorgestellt werden, mit nöthigen Registern versehen*. Leipzig: Gleditsch.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Dr Alyona M. Kharitonova, lecturer, Section of the History of Foreign Philosophy, Department of Philosophy, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

E-mail: kha.alyona@gmail.com

To cite this article:

Kharitonova, A. M., 2019. Logic Manuals for Women in the Late Enlightenment Era. *Kantian Journal*, 38(3), pp. 81-106. <http://dx.doi:10.5922/0207-6918-2019-3-4>